

НИНА МАЛКИНА

красные луны квертинда

Наследие Иверийской Династии
ДОЧЕРИ МЕЛИРЫ

18+

Красные луны Квертинда

Нина Малкина

**Наследие Иверийской
династии. Дочери Мелиры**

«Автор»

2023

Малкина Н.

Наследие Иверийской династии. Дочери Мелиры / Н. Малкина —
«Автор», 2023 — (Красные луны Квертинда)

Маски сорваны, все тайны раскрыты, но Квертинд не собирается меня щадить. Ещё вчера боевой маг и отличный стрелок, сегодня я стала одной из разодетых в шелка и лицемерие кукол. Ожил мой самый затаенный кошмар - я оказалась в Мелироанской академии благородных дев. Здесь у меня нет друзей, нет радостей и не осталось даже сил на борьбу. Ментор утверждает, что это пойдёт мне на пользу. Я же... просто пытаюсь не сдохнуть. Меня зовут Юна Горст. И я начинаю создавать себя снова.

© Малкина Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 2. Истинные лица	25
Глава 3. Постарайся ничего не делать	47
Глава 4. Время пришло	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Нина Малкина

Наследие Иверийской династии. Дочери Мелиры

Глава 1. Дочери Мелиры

*Как сладок сна конец, и новое начало
Уже зовёт меня на бой с самой судьбой.
Пусть замыслу богов я снова проиграла,
Но всё ещё дышу под Красною Луной.*

Песня Сирены отзвучала и растворилась в косых солнечных лучах, что пробивались сквозь прозрачный полог.

Ажурные кованые столбики кровати поднимались к самому потолку. Они удерживали невесомый балдахин нежно-голубого цвета. Я лежала в ворохе шёлка, лент и кружев, как новая игрушка в подарочной коробке, поджав колени к груди, и лениво наблюдала, как по прозрачной ткани ползёт красная букашка.

Роскошная постель представлялась мне смертным одром, гробницей погибшей Юны Горст, для которой больше не было ни времени, ни пространства, ни настоящего, ни будущего. Только драгоценное прошлое. Вся жизнь, с которой я рассталась, походила на яркого жучка: вот мелькнули алые с пятнышками крылья, и крохотные лапки оторвались от шаткой опоры, взмыли в воздух и вместе с хозяином вылетели в окно, чтобы никогда больше не вернуться.

Я тяжело вздохнула и перевернулась на спину. Кажется, вчера я рухнула на постель прямо в одежде и проспала не меньше суток, будто сон был не естественным, а снова, как и недавно, наведённым. Кто-то заботливо раздел меня и похитил всю одежду, оставив от прежних времён только часы и браслет, скрывающий чёрные вены. После беглого осмотра обнаружился ещё и заполненный песком тиаль. Он сиротливо лежал на прикроватной тумбочке рядом с колокольчиком и графином воды.

В открытое окно доносились далёкие отзвуки прелестной музыки: таинственный пианист наигрывал бодрую мелодию. Приглушенные девичьи голоса вторили птичьей трели, слабый ветерок трепал балдахин. В тёплых струях, проникающих из сада в комнату, разливался упоительный аромат лаванды, океана и влажной свежевспаханной земли. Южная осень заметно отличалась от северной: даже в утренней прохладе чувствовалось дуновение зноя.

В мыслях, теле и сознании поселилось равнодушное оцепенение. Подняться с постели не было сил. Я бы так и лежала до самого вечера, но дверь скрипнула и тело инстинктивно напряглось, ожидая нападения.

– Да тише ты! – раздался раздражённый шёпот. – Разбудишь ещё!

И следом – едва слышное торопливое цоканье когтей по дубовому полу. Я приподнялась на локтях. В комнате мелькали чьи-то силуэты, но рассмотреть точнее из-за полога было сложно.

– Кто здесь? – негромко спросила я, напрягая зрение.

Край балдахина отъехал в сторону, и на меня уставилась пара огромных тёмных глаз под длинными пушистыми бровями на удивительно хорошенькой мордочке рудвика.

– Проснулась! – пискнуло милое создание и неожиданно ловким прыжком забралось на мою постель.

Я непроизвольно отпрянула и натянула на нос одеяло.

– Стрилли! – гневно крикнули сзади, но тут же злость сменилась звонким девичьим смехом, когда Стрилли, дважды крутанувшись вокруг себя и разметав широкую юбку, устроилась строго напротив моего лица. Влажный нос и короткие завитые усы подрагивали.

– Теперь вы моя хозяйка, лу-ли, – доверительно сообщила рудвик, подперев мордашку мохнатыми кулачками.

Пушистое создание лучилось искренним счастьем. Стрилли оказалась весьма хорошенькой и такой же кукольной, как и всё вокруг: миниатюрной, со светлой блестящей шерстью и густыми ресницами. Подол лёгкого, в мелкий цветочек платья был прикрыт белоснежным кружевным фартучком, а на голове Стрилли красовалась яркая оранжевая лента.

– Простите Стрилли, она сама непосредственность, – подросла девушка в белом чепчике и таком же переднике. – Меня зовут Эсли. Эсли Тумп. Я ваша служанка. Я немного разбираюсь в этике, сносно делаю причёски и смешиваю косметические масла. А это Арма, – девушка кивнула на свою спутницу и натянуто улыбнулась.

Арма поклонилась и согнала Стрилли с постели. Затопталась, одёрнула фартук. Девушка явно чувствовала себя здесь не лучше, чем я. Высокая, крупная, с широкими плечами и ладонями, она не уступала в размерах оружейнику Помпозу Норму. А смуглая кожа и тёмные курчавые волосы выдавали таххарийскую кровь.

– Арма Надме, госпожа, – пробасила служанка, хлопнула носом и поправила оборку белого чепчика, что без конца падала ей на глаза.

Говорить о своих навыках Арма не стала: потупилась и упёрлась взглядом в мысы обуви.

– Простите за вторжение, – Эсли присела в поклоне. – Мы хотели сделать сюрприз к вашему первому пробуждению в Мелироанской академии. Принесли корзину цветов, что утром прислала леди Дижуре из своей галереи. Она творит цветочные шедевры! Только взгляните: эта потрясающая композиция из магнолий, розмарина и мелиссы была заказана специально для вас. Букет спешит поведать, что господин помнит о вашей любви к природе и ценит общие воспоминания. А жёлтая резеда подчёркивает огромную ценность его мейлори.

– Кто?.. – прохрипела я. Прочистила горло и повторила: – Кто помнит?

– Куда ставить, Стрилли? – перекричала меня Арма. Она подняла тяжёлую корзину и почти полностью спряталась за пышной зеленью.

– Тащи на шкаф! – махнула лапами рудвик, подпрыгнула, ловко забралась на кресло-качалку, поймала равновесие, как заправский лучник, и сосредоточенно заводила ушами.

– Стрилли увлекается гармонией предметов в пространстве, – пояснила разговорчивая Эсли. – Она считает, что это привлекает благословение Лулука и Лулики, перенаправляет их энергию, чтобы она разливалась по комнате.

– Стрилли знает, как приманить удачу, лу-ли! – раскачивалась на кресле рудвик. – Боги рудвиков помогут Юне Горст освоиться!

Арма пыталась закинуть массивную корзину на огромный шкаф, что занимал почти всю стену. Следует отметить, что и без нового букета комната утопала в цветах: расписные вазы были расставлены повсюду – на комод, на подоконнике под большим круглым окном, на низком плетёном столике и на каминной полке. Голубовато-зелёные рисунки покрывали фарфоровые тарелочки, обвивали светлые рамы картин и даже заполняли одну из стен. Высокий шкаф, неожиданно ставший центром внимания, тоже хранил на своих створках цветочный орнамент, чередующийся с искрящимися зеркалами. Удивительно, но помещение с его изогнутыми колоннами-тумбами, уютными белыми пледами и прикрытым кружевной занавеской камином напомнило мне не кукольный домик, а, скорее, мой собственный дом в Фарелби. Была в этом некая деревенская простота.

– Тяжёлая, зараза, – кряхтела Арма, вытягиваясь во весь свой немаленький рост.

Заполненная преимущественно зеленью корзина то и дело норовила перевесить и свалить девушку навзничь, но Арма не собиралась сдаваться. На помощь пришла Эсли.

Я потёрла глаза, чтобы прогнать утреннюю дремоту и прийти в себя. В это утро мне необходимо было одиночество и покой, а не суетливая возня незнакомых людей. И рудвиков.

– Это учение наших далёких предков, – увлечённо руководила процессом Стрилли. – Нужно искать магию там, где её труднее всего найти. Искусство «Сунь-лу-тут». – Блестящие глазки-вишенки посмотрели на меня с надеждой, но, не встретив понимания, рудвик хлопнула ресницами и махнула лапой: – Людям не дано его постичь.

– Так, – наконец отмерла я. Откинула одеяло, но, вспомнив о наготы, прикрылась. Поднялась вместе с длинным шлейфом из атласных простыней, выбралась из своего гнезда и заговорила: – Послушайте, Стрилли, Арма и...

– Эсли, госпожа, – подсказала девушка.

– Да, точно. Мне не нужны служанки, не нужны цветы и вообще чужие люди в моей комнате. Убирайтесь.

Повисло неловкое молчание. Корзина в руках Армы угрожающе зашаталась. Девушки переглянулись. Стрилли насупилась.

– Но... – замаялась Эсли. – Госпожа Првленская велела нам подготовить вас к завтраку. Отмыть и одеть. – Она оглянулась в поисках поддержки, но все промолчали, и тогда Эсли заговорила выученным тоном: – Служанки помогают леди с дамским туалетом, причёсывают их и приносят подарки от покровителей. А также исполняют остальные поручения госпожи. Таковы традиции Мелироанской академии благородных дев. Такова наша работа.

– Я не дева, – я откинула назад растрёпанные волосы и с радостью обнаружила, что миинх тоже остался при мне. – И не леди. Всё, чего я хочу, – остаться одна. Это желание вы способны выполнить?

– Но как же...

– Прочь! – прикрикнула я. – И корзину с собой заберите!

– Но это же подарок от Кирмоса лин де Блайта! – заспорила Эсли.

От звука этого имени я дёрнулась, как от пощёчины. Попятилась, наткнулась на кресло, отчего-то сразу же закачалось. На долю секунды сознанием завладело привычное раздражение. Я была готова напасть на незваных служанок, на несчастные растения, вырвать их с корнем и раскидать во все стороны. Среди изумрудной зелени мелькнула золотой короной карточка. Я отвернулась к зеркалу над камином, чтобы не поддаться соблазну прочесть её. Уставилась на своё помятое, измученное отражение.

Трудное предстоит время. Жизнь в золотой клетке, где меня заперли на неопределённый срок с клеймом мейлори Чёрного Консула. Чужие люди, новые правила и распорядки, против которых мне до безумия хотелось восстать. Но однажды я уже пыталась установить свои правила. И закончилось это плохо.

Я шлёпнула рукой па пауку и попыталась представить новый облик ментора.

Не вышло. Только новая волна злости обожгла изнутри при взгляде на злосчастную корзину.

Как такое вообще могло прийти ему в голову? Ментор забрал у меня любимое оружие, всю прошлую жизнь, близких друзей и прислал... цветы?! Это походило не на подарок, а на оскорбление.

– Унесите это из моей комнаты, – сказала я вслух и облокотилась на чайный столик. Обреченно опустила голову. – Не хочу её видеть.

– Но эти цветы говорят, что...

– Цветы не умеют говорить! – выкрикнула я.

К счастью, на этот раз служанки послушались и с тихим шуршанием платьев направились к выходу.

– Мы приготовили для вас ванну, – Эсли задержалась в дверях. – Там драгоценные масла и бальзамы для волос. Я хотела сама втереть эликсиры в ваши загубевшие от тетивы пальцы, –

она осеклась, наткнувшись на мой взгляд. – Вы правы, с этим можно подождать. Комната гигиены за той дверью, – девушка кивнула на белое полотно. Конечно же, расписанное яркими бутонами и листьями. – Позвольте нам вернуться и помочь вам с одеждой и причёской?

Под простынями я всё ещё была совершенно голой и, стоило признать, грязной.

– Ладно, – согласилась я после небольшой паузы, и девушки, не дожидаясь продолжения, прикрыли за собой дверь.

Оставшись в одиночестве, я едва подавила соблазн лечь обратно в постель, завернуться в шёлковый саван и наконец спокойно умереть. Но пышущее жизнелюбие служанок уже подселило в душу предательское любопытство. Если мне предстоит провести здесь какое-то время, нужно научиться выживать и существовать. Собрать себя по частям. Снова.

Начать я решила с водных процедур.

Ванная оказалась удивительной. Каменная чаша-бассейн была выдолблена в полу и окружена гладкими булыжниками. Я не знала такой породы: светлый камень искрился и поблескивал в лучах солнца, проникающего сквозь круглое окошко. Водный поток вытекал из стены, поднимая на поверхности бурлящую пену и пар. Вода в чаше была белой, словно туда плеснули молока, и присыпанной лепестками розовых цветов. Вместе с паром в воздух поднимался дурманный аромат, от которого кружилась голова.

Я скинула на пол простыни и встала на первую каменную ступеньку, пробуя воду. Тёплая. Погружаться плавно не стала – с размаху плюхнулась в ароматную ванну, нырнула и позволила себе на несколько секунд зависнуть в гулком безмолвии. Ласковая вода обняла тело, заполнила уши, и я вдруг поняла, что последний раз вот так погружалась с головой, когда меня топили в Эльце. Что ж, в новой жизни были свои неоспоримые плюсы.

Вынырнув, я откинулась на бортик и расслабилась. Комната гигиены здорово отличалась от спальни: по стенам здесь ползли не нарисованные, а вполне живые цветочные лианы, цеплялись за потолочные балки и свисали яркими гроздьями, образуя полог. От этого буйного цветения, от тумб и колонн, выдолбленных из сверкающего гладкого камня, создавалось ощущение, что ты лежишь не в комнате, а где-нибудь в саду Девейны, наслаждаясь ароматом и самой жизнью. На кованой полочке вдоль борта стояли разноцветные хрустальные флакончики с маслами и пахучей водой, лежали куски фигурного мыла и холстины из белоснежного льна.

Прежде чем приступить к купанию, я перенюхала содержимое всех пузырьков и бутылочек, пытаюсь на вид и запах определить назначение. Но, во избежание неудач, остановилась на добротном куске лавандового мыла, отлично отмывающего и волосы, и кожу.

В чаше было просторно, уютно и тепло. Заигравшись, я начала плавать от одного борта к другому, поднимая волны и подставляя голову стекающему из стены водопаду. Набирала в рот воды и выплёвывала, целясь в цветочные грозди. На какой-то короткий период я вдруг стала маленькой Юной, резвящейся в кристально-чистом Фарелби в окружении золотистых рыб. И не было ни академий, ни убийств, ни трудного выбора, ни ментора.

Когда мои пальцы – те самые, загрубевшие от тетивы – сморщились до состояния черноты, я наконец выбралась из купели и завернулась в свежую, хрустящую от чистоты ткань. Глотнула из запотевшего стакана лимонной воды и окончательно признала, что всё не так уж и плохо. Если не выходить из своих покоев, в Мелироанской академии вполне можно прожить какое-то время.

За дверью уже ждали служанки в полном составе. Арма и Эсли стояли, склонив головы, а Стрилли пристраивала на комод садовую лопату. О назначении этого предмета в спальне могли знать только Лулук с Луликой.

Процесс причёсывания оказался не таким приятным. Я восседала на мягком пуфе перед зеркальным столиком, полностью отдавшись во власть Эсли, и сама себе напоминала Сирену, когда над ней колдовала Фиди с пыточными щипцами для завивки. В руках моей мучительницы щипцов не было, но с пытками она прекрасно справлялась и без них: Эсли драла мои

густые, отросшие до талии волосы гребнем, хмурилась и ругалась себе под нос, то и дело поглядывая на наше общее отражение. Результат ей явно не нравился, и страдания возобновлялись.

Расстроившись и намучившись, служанка подобрала пряди блестящими заколками с двух сторон и признала поражение. К её неудовольствию я ещё и запретила снимать миинх, так что Эсли надула губы и приступила к следующему этапу преобразования – одеванию покорной куколки Юны Горст.

Первым в дело пошло бельё. Тонкие выбеленные трусики из мягкого батиста с тиснением и нежной вышивкой, казалось, были сшиты для того, чтобы ласкать кожу. Они плотно прилепали к телу и практически не ощущались. Но на этом хорошие новости заканчивались. Следующим предметом одежды оказался самый настоящий корсет, затягивающий талию, а сверху – полотняный чехол. «Корсаж», как представили его служанки. Дальше Эсли и Арма, помогая друг другу, натянули на мои ноги шёлковые белые чулки, закрепили их на поясе с помощью подтяжек и отошли на три шага, оценивая работу. В зеркало посмотреться не дали, но я не сомневалась, что похожа на пирожное с прослойками воздушного крема. Происходящее нравилось мне всё меньше и меньше, но я здраво рассудила, что в логове коварства и лицемерия самая лучшая тактика – не выделяться. Кто знает, что ждало меня за дверью покоев, и лучше бы подготовку к выходу доверить профессионалам.

Покончив с комплектом нижнего белья, девушки натянули на меня шуршащий футляр – лёгкое, почти невесомое платье с тёмным облегающим лифом. Он расширился в многослойную свободную юбку: интенсивный фиолетовый цвет по мере спуска смягчался лиловым и становился почти белым внизу. Вдоль всего нижнего края пестрела вышивка – конечно же, цветочная. Тёмные фиалки, гроздьи сирени и лиственные завитки искусно обрамляли подол.

Тут же захотелось снять с себя непривычное облачение. Не потому, что оно мне не шло – размер и цвет подходили отлично, оттеняли кожу и волосы. И даже не потому, что я ненавидела платье. Просто этот наряд требовал к себе гораздо более почтительного отношения, чем я привыкла проявлять к одежде. Разглядывая трудоёмкое шитьё, я невольно размышляла, сколько часов и дней рукодельницы потратили, чтобы создать всего лишь то, что должно прикрывать наготу и защищать от порывов ветра. И ещё – о том, кто заплатил за это великолепие.

– Ещё пара штрихов, ваше сиятельство, – успокоила Эсли, заметив на моём лице задумчивую обеспокоенность.

Арма достала из комода подарочную коробку, бережно открыла её и представила содержимое. Я ожидала увидеть блестящее кольцо из алмазов, рубинов или изумрудов, которое непременно потребовала бы отправить обратно, но на атласе футляра лежала широкая тканевая полоса с резной брошкой посередине.

– Бархотка, – пояснила Эсли. – Чтобы прикрывать знак соединения от посторонних глаз.

– Похоже на ошейник, – тяжело выдохнула я, снова сдаваясь во власть служанок.

Они подняли волосы и с помощью маленького замочка закрепили бархотку на моей шее. Увы, не признать её необходимости и функциональности я не могла. Как символично – ментор всё-таки посадил меня на цепь.

– Позвольте, лу-ли, – Стрилли взяла мою ладонь и бережно, стараясь не поцарапать коготками кожу, натянула белые кружевные перчатки. – Это последний предмет гардероба на сегодня. С собой леди ещё берут зонт и крохотный ридикюль. Если желаете, лу-ли, Стрилли достанет превосходный зонтик, он висит прямо за окном, улавливая воздушные божественные потоки...

– Обойдусь, – однозначно решила я, рассматривая короткие перчатки с волнистыми рюшами. И ухмыльнулась: – Отлично, теперь я кукольный стяжатель. Чёрную маску мне выдадут? Или у местных приняты белые?

Я хохотнула, поддерживая свою шутку, но служанки не улыбнулись.

– Только не говорите, что белые маски и правда существуют, – напряглась я. – Ошейник на меня вы уже надели, не хватало ещё и намордника!

– Сорти де баль, – извиняющимся тоном поведала Эсли.

– Троллье дерьмо! – не выдержала я. – Вы ведь шутите? Это что, белая маска?!

– Нет, всего лишь прозрачная пелерина для прогулок и коллективных выходов, – поспешила успокоить служанка. – С вышитой сзади Иверийской короной. Она прикрывает плечи и декольте благородной девы во время визитов и городских посещений. Но сейчас вы идёте на завтрак в гостиную академии, так что сорти де баль можно оставить здесь.

Я облегченно выдохнула. Терпение и так уже было на пределе, и, если бы мне пришлось мириться с ещё одним зефирным слоем, я попросту превратилась бы в разъяренного икша. И ни сложная вышивка, ни дорогие ткани не остановили бы меня от вредительства.

– Госпожа, – довольно улыбнулась Эсли, подводя меня к зеркальному шкафу. – Представляю вам мелироанскую благородную деву Юну Горст.

Я раздражённо фыркнула и хотела показательно отвернуться, но отражение в зеркале приковало взгляд.

С той стороны глянцевої поверхности на меня смотрела та, кем я никогда не была: молодая привлекательная леди с высокой грудью, тонкой талией и аккуратными послушными локонами, прикрывающими плечи. Словно морок, наваждение, возникшее в зеркале: двинешься – и оно развеется, превратится в туман. Даже чёрный паук, мой отличительный знак, мой символ, всегда ярко выделявшийся на светлой шее, сейчас спрятался под декоративной полоской ткани. Я осторожно потрогала лицо. Шершавая ткань перчатки прошла по тонкому порезу на щеке и узкому шраму, пересекающему бровь. Неужели это я?

Отчего-то по спине холодком пробежался страх: собственное отражение показалось мне жутковатым. Но я быстро взяла себя в руки. Я достаточно часто смотрела в лицо опасности и смерти, чтобы теперь без боязни смотреть в своё собственное. Даже если оно совершенно не похоже на то, что я привыкла видеть за предыдущие девятнадцать лет.

– Ваше сиятельство, – постучались в дверь.

Арма впустила Жорхе Вилейна, и тот на краткий миг потерялся, будто наткнулся на невидимую стену, окинув меня взглядом с ног до головы. Но тут же смутился, откашлялся в кулак и сообщил о цели визита:

– Госпожа Првленская требует, чтобы вы спустились к завтраку, как подобает всем леди её академии. Позвольте вас сопроводить.

Спорить я не стала. Задумчиво двинулась вслед за стяжателем, пытаясь справиться с многослойной юбкой, которая так и норовила опутать колени. Что ж, первое испытание я выдержала с достоинством и даже не без некоторого удовольствия. Осталось узнать, что ещё для меня приготовила Мелироанская академия благородных дев.

Пока Жорхе Вилейн самолично проверял большой округлый зал голубой гостиной, я, перевесившись через перила балкона, с раскрытым ртом рассматривала помещение. Приказ не спускаться до отдельного распоряжения оказался кстати: с высоты своего положения я могла оценить обстановку и выбрать удачную позицию. Но, едва завидев торжественное убранство, моментально забыла о тактике, пораженная необычной красотой.

Балкон с резными перилами кольцом охватывал весь зал и поддерживался странными изогнутыми колоннами. Они врастали в основание балкона, цепляясь за его низ расширяющимися концами, подобно цветочным стеблям или, может, человеческим мышцам. От этого создавалось ощущение, что мрамор живой, дышащий, чувствующий, и ты оказался не в замке, а в утробе огромного животного.

Но не только камень здесь оживал: настоящее дерево с раскидистыми ветвями и остроко-
нечными гладкими листьями радушным хозяином расположилось между центральными лест-
ницами. Окруженное невысоким бордюром, оно пронзало мощным стволом нависающую над
залом галерею и поддерживало ветвями потолок.

– Мелира Иверийская приказала выстроить замок вокруг древнего фикуса, – шепнула
сзади Эсли. – Это сердце нашей академии и её суть. Мелироанские девы несут свет и любовь к
жизни, ко всем её формам, будь то человек, животное или растение. Мелира Великая запретила
вырубать дерево, и архитекторы возвели голубую гостиную вокруг его корней и обширных
ветвей.

В ответ я только потрясённо кивнула и активнее завертела головой.

Канделябрами здесь служили резные деревянные девы – настоящие нимфы высотой в
человеческий рост. Они удерживали над головами не меньше пары десятков ветвей-подсвеч-
ников. Тоненькие, не шире мизинца свечи сейчас не горели: солнечный свет лился сквозь про-
зрачные стёкла на потолке. Там было огромное круглое окно с приоткрытыми створками-доль-
ками. Ветер трепал голубые и белые занавеси, прикрывающие такие же круглые боковые окна,
и создавал иллюзию пляшущего по стенам моря. На свободной стене, то и дело скрываясь за
летающими тканями, висел огромный портрет Мелиры Иверийской.

– Идёмте, ваше сиятельство, – подал руку в перчатке Жорхе. – Вы можете спуститься.

Я завороченно оперлась на стяжателя и зашагала по покрытым светлым ковром ступеням.
Строго под потолочным окном, ярко-синим от просвечивающего неба, расположился невысо-
кий аквариум, охваченный деревянным кольцом стола. Он едва ли выступал над столешницей
на ширину ладони. Но даже этого хватало, чтобы солнечные лучи отражались от водной глади
и посылали блики на изогнутые колонны, на танцующие по стенам тканевые волны, на блестя-
щий глянцевый пол и лица собравшихся за столом девушек. Если мы и находились внутри
какого-то огромного существа, то оно определённо было морским.

Мне немедленно захотелось со всех ног броситься к аквариуму, перевеситься через лаки-
рованную столешницу и полюбоваться разноцветными плавающими рыбками. Синие, жёлтые,
ярко-красные – прежде я никогда таких не видела. Это был чудесный подводный мир, приве-
зённый сюда напрямую из морских глубин.

Я даже ускорила шаг, но несколько пар женских глаз едва не заставили споткнуться. Они
немедленно вернули меня в реальность, напомнив о том, кто я и где нахожусь. Что меня ведёт
стяжатель – мой охранник и тюремщик, а за спиной шагает приставленная ментором служанка.

Внимательные чужие взгляды сковали не хуже корсета. Ледяные глыбы в груди шевель-
нулись, больно распирая изнутри тревогой и подступая к горлу тошнотой.

За кольцевым столом сидели восемь прекрасных девушек во главе с Лаптолиной Прв-
ленской. Никто из них не притронулся к еде, и я быстро смекнула, что ждали только меня. А
единственный свободный стул недвусмысленно намекал, что мне необходимо поторопиться. Я
села, стараясь выглядеть как можно изящнее и непринуждённое. Неуверенно улыбнулась бла-
городным девам. Девушки ответили такими же робкими улыбками.

Сколько раз я оставалась в одиночестве или шагала в неизвестность, но ни разу ещё не
чувствовала себя настолько чужой и беспомощной! Я была гибкой, сильной, быстрой и умела
за себя постоять, но без оружия оказалась голой, несмотря на несколько слоёв дамских тряпок.

За спинами девушек стояли служанки в белых чепчиках с широкими оборками. Они все
как одна смотрели в пол. За мной встала Эсли, перекинув вышитую салфетку через локоть.
Жорхе удалился, аккуратно прикрыв за собой высокие створки дверей.

– Леди Горст, – обратилась госпожа Првленская со своего высокого стула-трона. –
Попрошу вас впредь являться к завтраку вовремя и не опаздывать.

– Хорошо, – легко согласилась я, раздумывая, куда бы деть руки.

Никто не говорил мне о времени завтрака, но пояснять это я не стала.

– Леди Лорендин, – так же ровно проговорила Лаптолина.

– Да? – отозвалась девушка в прекрасном мерцающем драгоценностями платье.

– Я уже делала вам замечание по поводу утренних нарядов. Дневной туалет леди не подразумевает такого количества украшений. Вы должны сиять изнутри, а не снаружи. Джилма, – госпожа Првленская кивнула служанке за спиной девушки. – Твоя обязанность – помогать Тильде с выбором платья и удерживать её от излишеств. Ещё один такой промах – и придётся разжаловать тебя до кухонной помощницы.

От спокойного, ровного тона женщины засосало под ложечкой. Пару раз взмахнув руками в отвратительно неудобных перчатках, я решила последовать примеру одной из девушек – своей соседки, хорошенькой улыбчивой блондинки, и сложила их на коленях. Осталась собой довольна. Но вскоре меня ждало новое испытание: огромное количество столовых приборов прямо перед носом.

– Прошу прощения, госпожа, – пискнула служанка Тильды. – Я пыталась, но леди Лорендин...

Лаптолина резко вскинула ладонь, и Джилма замолчала. Опустила голову так, что за оборками чепчика не стало видно её глаз. Я тяжело сглотнула и заёрзала на стуле. Вот троллье дерьмо, да эта Првленская будет страшнее охранителя Брема с его цепями!

– Поскольку сегодня мы начинаем позже обычного, знакомство с новой мелироанской девой придётся отложить, – Лаптолина расправила белоснежную салфетку и пристроила её у себя на коленях. Девушки последовали её примеру, в том числе и я. – Достаточно того, что мы все прекрасно знаем: впервые за историю Мелироанской академии у нас будет восемь учениц вместо семи. Юна Горст, мейлори консула лин де Блайта, теперь тоже наша сестра. Примем же её как достойную дочь Мелиры. Во имя Квертинда!

– Во имя Квертинда! – отозвались девушки и прижали к груди тали. Конечно же, носящие в себе одну из двух магий: жёлтую Нарцины или белую Девейны.

Мой был с песком, но это не помешало мне присоединиться к восславлению.

– Отлично, – впервые улыбнулась Лаптолина. – Приступим к традиционной утренней трапезе и обсудим актуальные новости королевства.

Она пару раз хлопнула в ладоши, и девушки в знакомых чепчиках распахнули высокие створки дверей с морской мозаикой на полотнах. Я вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть происходящее. В голубой гостиной появилась служанка с подносом. Но на нём, к моему глубокому сожалению, лежала не еда, а несколько больших конвертов. Следом зашла вереница поварят, несущих перед собой блюда под огромными полированными крышками.

– Каждая леди обязана быть образцовой верноподданной, – шепнула над макушкой Эсли. – Как благородная мелироанская дева, вы должны прекрасно разбираться в текущей политической обстановке, быть в курсе современных взглядов и новых веяний. Этому вы учитесь прямо сейчас, за завтраком.

– Эсли, я могу поесть? – шёпотом спросила я. – Я ужасно голодная.

– Это тоже часть обучения, – ответила девушка. – Непринуждённая светская беседа за столом – особый навык.

Серьёзный рудвик поставил передо мной тарелку и самолично убрал крышку-колокол. Внутри на огромной тарелке с блестящей каймой лежала пара крученных булочек, стояли маленькие чашечки с вареньем и округлая плошка чего-то однородного, по виду похожего на молочную кашу. Я схватила самую удобную ложку и попробовала непонятное месиво. Пахнет настоящей клубникой и сливками. Вкусно! Я снова зачерпнула еды, но вдруг заметила, что все собравшиеся смотрят на меня с раздражением. Никто так и не притронулся к завтраку. Пришлось тяжело вздохнуть и отложить ложку.

– Попробуйте пока напиток, – шепнула Эсли, наливая мне яркого сока из кувшина.

Она виновато улыбнулась грозной Лаптолине. К счастью, та не стала делать замечаний. Госпожа Првленская одобрительно кивнула девушкам и взяла первый конверт с подноса. Благородные девы приступили к еде, и это было хорошим знаком. Если подсказывала мне, каким прибором пользоваться для каких целей и как есть ароматную сдобу. Оказалось, что нужно снять перчатки и, отщипывая крохотные кусочки от вкуснейшего слоёного теста, отправлять их в рот. Ей-богу, мучение, а не наслаждение!

– Безрадостные вести из Кроуница, – начала Лаптолина, и я замерла, не донеся кусочек до рта. – В северной столице странные существа напали на один из районов города, практически уничтожив трущобы и умертвив несчастных бедняков. Очевидцы говорят, что уродливые чудовища с огромными пастями разгрызали даже человеческие кости.

– Икша напали на Понтон?! – от неожиданности почти крикнула я и вскочила.

– Леди Горст, – надменно проговорила Лаптолина. – Прошу вас, сядьте и впредь будьте сдержаннее. Учитесь принимать участие в беседе, не привлекая к себе излишнего внимания. Имейте уважение к собеседникам.

– Но там погибли люди! – заспорила я и пришла к внезапному выводу: – Всё это время мы... Банда изгоев сдерживала их в пещерах! – Осмотрев удивленных девушек, я пояснила: – Икша отвратительны и смертоносны, они способны вмиг расплодиться до полчища с помощью своей магии. Если они напали на Понтон...

Слева кто-то хихикнул, и я метнула туда возмущённый взгляд.

– Никто не знает, были ли это ожившие грязекровки из легенд или просто голодные собаки, – подала голос та самая леди Лорендин, которая сияла блеском драгоценностей, играющим по всей гостиной не хуже воды аквариума.

Платье Тильды – я вспомнила её имя – было расшито сверкающими камнями и золотыми пластинами. Я не сомневалась, что все они – натуральные. Тильда Лорендин носила на теле шедевр портновского и ювелирного искусства, словно выражая превосходство над собравшимися. Она аккуратно намазывала варенье на маленький кусочек хлеба, блаженно улыбаясь. Судьба трущоб её явно не волновала.

– Это были икша, – спокойно и твёрдо сказала я, усаживаясь обратно. Подняла руку, демонстрируя длинный глубокий шрам на предплечье, и пояснила: – Я сражалась с ними много раз на склоне Трескималья. Они убили моего близкого друга – Неда Комдора. Я своими глазами видела, как они пожирают человеческую плоть, и знаю, на что способны эти создания.

Задрала подбородок, ожидая реакции, готовая к спору. Девушки смотрели с подозрением и неподдельным интересом.

– Леди Горст, – обратилась одна из них, пухлая, в широкой шляпке с фруктами на полях. – То, что вы говорите – совершенно невероятно!

Остальные мелироанские девы закивали, и я немного успокоилась. Кажется, не придётся сражаться за правду.

– Но я хотела бы уточнить, – девушка в шляпке подняла вверх палец. – Простите моё неверие, но... вы действительно близко дружили с мужчиной?

От возмущения глаза сами собой широко распахнулись. Я что, ослышалась? Речь шла о гибели людей, об опасности, о боли и потерях, а их интересовало только это?

– Финетта! – раздалось с другой стороны. В разговор вступила девушка с волосами цвета меди, раскосыми глазами и хриплым низким голосом. – Как бестактно с твоей стороны задавать сестре такой вопрос при всех!

– Ох, простите меня, леди Горст, – зарделась Финетта.

– Госпожа Првленская, – подала голос ещё одна дева. – Скажите, армия Квертинда смогла защитить верноподданных? Чем закончилось нападение?

– Всё обошлось, – одобрила вопрос Првленская. – С неизвестными чудовищами удалось справиться силами гарнизона Кроуница. Значительную лепту внёс боевой магистр академии, возглавляющий факультет Омена.

– Магистр Фаренсис, – прошептала я себе под нос и прикусила щёку.

До слёз, до боли захотелось обратно в Кроуниц, в мой родной туманный город, к заснеженным скалам, зелёным куполам Академии, к бестиатриуму и облачному мосту. И, конечно, к ментору. Я часто заморгала и подняла глаза к прозрачному куполу над столом. По небу мирно плыли белые пушистые облака. В продуваемой ветром голубой гостинной становилось жарко.

Лаптолина и девушки обняли талии и всем сердцем пожелали мира и защиты верноподданным Квертинда, независимо от положения и достатка. По крайней мере, так они сказали. Комментировать это я не стала, запивая ком в горле горячим и горьким напитком из маленькой чашечки.

– Следующая тема дня, – госпожа Првленская взяла ещё один конверт с подноса. – А, очень интересно! – Она вытянула руку с карточкой, словно плохо видела вблизи, и громко зачитала: – Кирмос лин де Блайт официально признал провал испытания изгнанием и вернулся за стол Верховного Совета. Консул никак не прокомментировал дальнейшее участие в гонке королей. Отметил только, что ему предстоит много работы в родном краю. Дерзкие нападения Ордена Крона на города и поселения полуострова Змеи принесли разруху в окрестности Астрайта. Западная часть Квертинда существенно пострадала за время отсутствия наместника, и прямо сейчас он займётся подавлением очагов восстания.

Я надула щёки и потёрла паука. Казалось, все новости направлены на то, чтобы вывести меня из равновесия. Но на этот раз я решила не высказываться, а заняться едой. Тем более что к столу подали очищенные дольки тарокко – моих любимых красных апельсинов. Не слушая возмущённых советов Эсли, я набила полный рот кисло-сладким фруктом и усердно зажевала, стараясь не думать о том, чьё имя сейчас произнесли.

– Орден Крона угрожает безопасности Квертинда и его единству, – начала симпатичная брюнетка, напомнившая мне Элигию.

– Думаю, они желают только запугать верноподданных, сломить их дух и веру в Преторий, – заговорила другая леди с иссиня-чёрными гладкими волосами. Бледная кожа и яркие голубые глаза делали её привлекательной и невероятно... аристократичной. Тонкие пальцы обхватывали бокал с ягодным соком. Мелироанская дева слегка наклонила его, удивительно напоминая мне ментора черного паука в тот самый вечер, когда он давал мне своё первое наставление.

– Слава семерым богам, что консул лин де Блайт вернулся в правление, – кивнула Финетта. – Мне спокойнее, когда Квертинд находится под его властью.

– Слушаю ваши речи, сёстры, и всё больше верю, что Кирмос лин де Блайт достоин короны и почестей гораздо больше, чем остальные жители Квертинда, – пискнула совсем юная кудрявая блондинка. – У нас в Веллапольском княжестве о нём отзываются, как о страшном человеке.

Я хмыкнула себе под нос, вытерла рот запястьем и откинулась на спинку стула. Под возмущенный шёпот Эсли нехотя выпрямилась и исправила оплошность: осторожно промокнула губы кончиком белоснежной салфетки.

– А я боюсь Ордена Крона, – призналась одна из девушек и хлопнула ресницами. – Говорят, они хотят уничтожить всё наследие Иверийской династии и разрушить Квертинд до основания, не оставив камня на камне.

– Интересно, это правда? – ахнул тонкий голосок.

– Правда, – само собой вырвалось у меня. И снова все взгляды устремились в мою сторону.

– Вы что-то знаете об этом, леди Горст? – спросила та самая, похожая на Элигию брюнетка. Первое впечатление оказалось ложным: эта версия певички была гораздо бледнее и элегантнее. На шее ярким чёрным пятном выделялся знак соединения – орхидея, и это неожиданно делало девушку похожей... на меня.

Я отвела от неё взгляд и прочистила горло.

При всей надменности и чопорности, мелироанские девы явно интересовались мной и моим мнением. Это приободряло. Я раскрыла рот и... задумалась. Обязательства хранить тайны Ордена Крона остались в прошлом, но я здраво рассудила, что рассказывать всё чужим людям за первым завтраком не стоит. К тому же эти девушки вряд ли знают, какое отношение я сама имела к проклятой организации. Но всё же врать и скрытничать не стоило. У моих так называемых сёстер был целый набор жутких заблуждений, и, если я действительно хотела наладить с ними отношения, то стоило хотя бы попытаться их развеять.

– Наследие Иверийской династии... – начала я издалека. – То самое, о котором вы говорите... – Оказалось, что подбирать слова, вместо того чтобы говорить, что думаешь, – очень сложная задача, но я всё же попробовала: – У Претория и Ордена Крона схожие цели, хоть и разные методы.

Девушки раскрыли рты, спрятанные за ладошками. Некоторые опустили глаза, и даже служанки затоптались за спинами своих леди.

– Существует мнение, – уклончиво продолжила я, – что икша хотят уничтожить именно то, что породили Иверийцы. Королевская династия изменила Квертинд, и это обрушило проклятие. Икша – это проклятие.

Повисла тишина. Мелироанские девы явно сдерживали нахлынувшие эмоции. Они ёрзали, краснели и с преувеличенным интересом ковыряли свои завтраки. Наконец одна из девушек не выдержала и тихо засмеялась. И это разрушило плотину надменности и тактичности: все леди изящно захохотали, словно я только что выдала неприличную шутку.

– Кто вам сказал такую чушь, милая сестра? – хихикнула Финетта. – Уж не сами ли икша, с которыми вы сражались?

– Господин Демиург, – выплюнула я и крепко обхватила нож.

Девушки засмеялись ещё громче. Из глаз некоторых брызнули слёзы, и они воспользовались салфетками или платочками, которые тут же подали им служанки.

– Простите нас, – соседка участливо накрыла мою руку своей, но я тут же выдернула ладонь. – Мы не желали вас высмеять, но ваши речи... – Она смахнула локон со лба и подалась ближе: – Уж не знаю, какой хитрец водил вас за нос, леди Горст, но смею заверить: господина Демиурга не существует!

Я аж поперхнулась слюной и закашлялась. Да эти девы просто непроходимо пустоголовые! В каком мире они живут? В мире красивых ванн, украшений и расшитых платьев? К чему тогда это показное обсуждение политики?!

Хохочущие тепличные цветочки даже представить не могли, насколько они далеки от войны, борьбы и битвы за власть.

Не смеялась только Лаптолина Првленская. К сожалению. Потому что я бы предпочла смех уничижительному, брезгливому и жалостливому взгляду хозяйки академии. И под этим суровым взглядом моё терпение наконец лопнуло.

Я резко вскочила, со скрипом отодвинув стул, и оперлась ладонями о столешницу.

– Знаете что, благородные девы? – вспылила я. – Валите в пекло! – Девушки хором ахнули, но я не остановилась. Скорчила рожу и передразнила Финетту: – Вы правда дружили с мужчиной?! – И тут же сама себе ответила: – Да, икша вас всех дери, я дружила с мужчиной! И не с одним! Я сражалась с ними бок о бок – друг за друга и за благополучие людей. Мы уничтожали икша в пещерах ценой своего здоровья и жизней. Я – боевой маг и отличный стрелок,

я лучшая среди своего курса! – Кровь подкатила к лицу, и я почувствовала, как превратилась в надутый помидор. – Среди трёх курсов!

– Вы необузданная дикарка, – резко встала Лаптолина. Она изящно сложила ладони на груди и заговорила тише: – Вам лучше покинуть нашу компанию и проветриться, леди Горст. Иногда благородной деве нужно время, чтобы собраться с мыслями. Вам оно сейчас необходимо. Рекомендую взять на прогулку зонтик, потому что сегодня на улице солнечно.

От её надменного тона и пустых рекомендаций я моментально пришла в ещё большую ярость. Зонтик?! Мне взять зонтик?!

Я схватила со стола нож и метнула его в широкий, разросшийся ствол дерева. Хотелось продемонстрировать свои навыки и впечатлить девушек. Я не сомневалась, что попаду с такого расстояния, но не учла, что это был не метательный нож, а серебряный столовый прибор. Тупое остриё чиркнуло по коре, и моё оружие с громким лязгом приземлилось на блестящий пол, прокатилось по вощёному паркету и остановилось посреди тёмной мозаики, изображающей арфу Нарцины.

Я зарычала от досады, от унижения и больше всего – от раздражения. Развернулась и, задирая платье выше колен, двинулась к выходу.

Боги, какая глупость! Какую чушь они несли за столом! И я должна поддерживать диалог с этими курицами? Да они понятия не имеют о том, что происходит за роскошными воротами их крохотного мирка! Сидят здесь, наряженные, как куклы, и ведут беседы о счастье и благополучии верноподданных, будто это не реальные люди, а мистические существа, похлеще икша! Хотя бы одну из них отправить в Понтон, к больным халдянской детям, или на склон Трескималия, кишащий икша!

За воротами обнаружился растерянный Жорхе и ещё трое стяжателей.

– И вы проваливайте в пекло! – рявкнула я так, что кровавые маги пришли в замешательство.

Вилейн, быстро оценив ситуацию, оставил их у ворот и последовал за мной в одиночестве. Всё-таки за год слежки он успел неплохо меня изучить.

Тяжёлый цветочный аромат, запах роз и влажный воздух обступили меня, подобно толще воды. Только это погружение не принесло удовольствия. После обширных горных просторов Кроуница, после его свежего морозного воздуха Батор казался крохотным и тесным. Под ногами путались пушистые коты и домашние птицы. И люди. Куда бы я ни пошла, везде встречала служанок, дворников или работников, заботливо ухаживающих за роскошным садом. Арки из плетистых роз, легкие решетки с рисунками, вазы – клумбы здесь стремились подняться выше, выставить цветочную красоту напоказ. Узкие тропинки, тесные проходы, балюстрады... Бесконечные стены, стены, стены.

Я спешно обошла ажурный бело-голубой замок, отмахнулась от стайки разноцветных птиц и свернула на плиточную тропинку. Здесь, укрытая высокими кустами, пряталась беседка. Между витыми синими колоннами поднималась до самого купола кованая конструкция, ещё не до конца оплетённая усиками колокольчиков. Я улыбнулась безумной идее краем губ и со всех ног кинулась воплощать её.

– Ваше... Ваше сиятельство! – растерянно ухнул Вилейн, когда я, скинув туфли, схватилась за железные прутья и забралась по опоре, как будто по лестнице. – Юна! Куда же ты?!

– Надеюсь, взлечу и отправлюсь обратно в Кроуниц, – мрачно пошутила я. – Или сверну себе шею и попаду в пекло Толмунда. Уверена, там компания гораздо приятнее, чем в Мелироанской академии благородных дев.

Многослойная юбка мешалась, цеплялась за прутья и листья, обрывала цветы, а корсет давил на рёбра, но я настойчиво ползла вверх. Крыша павильона была единственным местом, где до меня не доберутся ни служанки, ни стяжатели.

Жорхе подошёл вплотную, готовый подхватить меня в случае падения, и тактично отвернулся, когда я оказалась слишком высоко. А мне только этого и надо было! Я подтянулась, покряхтывая от неудобства, и вскарабкалась на нагретую солнцем лазурную крышу. Удерживая шаткое равновесие, с удовольствием села сверху и подставила лицо порывам горячего ветра.

Долгожданный глоток свободы!

Вокруг одинокого поместья не было других домов или дворов, не мельтешили слуги, лишь бесконечные цветочные поля колыхались в такт солёному бризу. Далеко-далеко на горизонте светлела полоска океана. Чуть ближе, среди заброшенных лужаек, заросших сорной травой по пояс, прокладывала себе дорогу илистая жёлтая река. Она петляла между высокими тёмными стенами фруктовых деревьев и чёрных дубов, оплетённых цветочными лианами, обнимала обширный двор ажурного замка Мелироанской академии и кое-где разливалась в мутные озерца. Они сверкали на солнце влажными переливами.

От распахнутых ворот между цветочными угодами тянулась одинокая дорога, по всей длине которой выстроились цитрусовые деревья и магнолии. Ещё не пожелтевшие к осени кроны пестрели звёздами белых соцветий. Над дорогой поднималось душное пыльное марево.

Эта буйная растительность, возвращённая без участия магии Ревда, и этот южный пейзаж порождали удивительную жажду жизни.

И я позволила себе окунуться в счастливое прошлое.

Достать из памяти, как из шкатулки, восхитительно счастливые минуты на краю земли рядом с ментором. Как я бежала к нему вприпрыжку по каменистому склону или как мы хохотали, лёжа под северными звёздами. Какие тёплые у него ладони, когда он помогает мне натягивать тетиву или крепче обхватывать тяжёлую рукоять кинжала. Как упоительно и дурманяще он пахнет, если уткнуться носом в мужскую шею или прижаться щекой к груди...

Интересно, где он сейчас?

Чем занят?

Вспоминает ли обо мне?

Ищет ли способ разорвать связь?

Я осторожно потрогала влажной ладонью чёрного паука, но наткнулась на мягкую ткань ошейника.

Может, и к лучшему, что знак соединения надёжно спрятан под бархоткой, а беспощадная память – под ледяной коркой безразличия. Так легче держать ментора на расстоянии. Впускать в сознание мысли о нём опасно, словно пробовать пальцами кончики острых лезвий. Или как с высотой: чтобы не сорваться, лучше не смотреть вниз. Если невозможно вычеркнуть, вырвать с корнем, выгнать его из сердца, нужно просто не позволять воспоминаниям владеть разумом. Главное – продержаться до вечера, а там настанет новый день.

– Ваше сиятельство, – прервал Жорхе моё мысленное путешествие, – слезайте, прошу вас.

– Мне и здесь неплохо, – отмахнулась я.

– Леди Горст, – вмешался девичий голос. – Мы хотим извиниться перед вами и проявить гостеприимство, достойное дочери Мелиры.

– Кряхт, – выругалась я себе под нос, но всё-таки осторожно свесила голову с павильона.

На дорожке, вдоль которой тянулся длинный фонтан с крохотными водопадами, стояли семь мелироанских благородных дев. Семь идеальных мишеней для Карнеума. Восьмой, к моей радости, была не Лаптолина Првленская, а высокая розовая птица, облюбовавшая узкий, похожий на канаву желоб фонтана.

Девушки все, как одна, задрали головы, разглядывая Юну Горст верхом на беседке.

Отлично. Просто превосходно! Принцессы выбрались из замка, чтобы спасти чудовище.

– Как вы меня нашли? – выкрикнула я из своего убежища.

– Это Сад Слёз, – так же громко объяснила черноволосая девушка. – Сюда приходят все девы, когда им плохо. Правда, они укрываются от лишних глаз обычно внутри ротонды, а не на ней.

Теперь каскад водопадов обрёл новый смысл. Действительно, шелестящий звук воды отдалённо походил на плач. И как я это сразу не заметила?

Розовая птица взмахнула крыльями, обдав девушек брызгами, и они посторонились.

– Меня зовут Приин Блайт, – продолжила яркая брюнетка. – Я старшая из семи мелироанских дев и представительница самой известной аристократической династии Квертинда.

– Блайт? – Мои брови поползли вверх. – Сестра Кирмоса лин де Блайта? Или... – я ужаснулась при мысли, что он может быть тайно женат.

– Его троюродная племянница, – девушка выступила вперёд и приложила ладонь козырьком ко лбу, чтобы солнце не слепило глаза. – Последний раз я видела дядю восемь лет назад на семейном торжестве. Мы почти не общаемся.

Я всё-таки слезла, заинтересованная новыми подробностями. У самой земли Жорхе подхватил меня за талию и помог спрыгнуть на мягкий ковёр травы.

– А я – Юна Горст, – отряхнув ладони, я протянула одну из них новой знакомой.

– Мы знаем, – улыбнулась Приин Блайт и скривилась, почти как Сирена. Но руку всё же пожала. – Мы принесли обет Девейны беречь вашу тайну от посторонних.

– Ну да, – я виновато почесала затылок.

Волосы растрепались и спутались, а платье измялось и здорово перекрутилось на теле. На фоне безупречной Приин я выглядела оборванкой. Девушка действительно сияла изнутри: блестящие чёрные волосы играли бликами в солнечных лучах не хуже водопадов, светлая кожа казалась фарфоровой, с едва заметными яблочками румян, нежно-голубой наряд подчёркивал изящную фигуру. На пальце – тонкий перстень с камнем. Приин Блайт... Вот почему там, в гостинной она напомнила мне ментора. Они были родственниками, хоть и дальними.

– Мы захватили ваши перчатки, – подошла хорошенькая блондинка, та самая, что была моей соседкой за столом. И осторожно протянула горстку белых кружев.

– Зидани Мозьен, – присела она в реверансе. – Из Ирба. Мой род не так знатен, как у Приин, зато порядок магии Девейны и способности к исцелению госпожа Првленская назвала феноменальными. – Зидани слегка порозовела, и от этого на шее отчётливее выделился знак соединения – светло-зеленая виноградная гроздь.

Значит, у леди Мозьен тоже был ментор. Волосы смешным одуванчиком окружили её голову, но прелести это не убавляло: обманчивый внешний беспорядок явно был создан нарочно. Возможно, служанки потратили гораздо больше времени на естественную красоту своей подопечной, чем на наряд той же Приин Блайт. Простой сарафан в мелкий горошек придавал Зидани сходство с милой пастушкой, героиней картин знаменитых мастеров искусства.

– А я – Тильда Лорендин, – представилась обладательница драгоценного платья. Она не стала приближаться и даже не закрыла кружевной зонтик. – Моя семья владеет не только плодовыми рощами и виноградниками, но и хлебными полями ближе к полуострову Змеи. Мы обеспечиваем продовольствием столицу и, конечно, щедро жертвуем Мелироанской академии.

Тильда не смутилась, когда говорила о своём богатстве. Она быстро скользнула взглядом по моей фигуре и отвернулась, уступая место следующей сестре.

– Матриция Ноуби, – сама протянула мне руку девушка с хриплым голосом. – Сёстры и служанки зовут меня «поцелованная Нарциной».

В отличие от предыдущих, эта благородная дева не была красавицей: длинный нос с горбинкой и раскосые, широко поставленные глаза с густыми рыжими ресницами делали девушку похожей на корову. А частые веснушки и светло-медные волосы и вовсе позволяли назвать леди Ноуби Бурёной. Впрочем, когда я поймала взгляд Матриции, то смягчилась и решила,

что всё же она похожа не на корову, а на телёнка: столько было в её глазах жалости, простодушия и наивности.

– Песни Матриции трогают самых чёрствых, – вступилась Зидани. – Когда она поёт, птицы замолкают, а сердце стучит тише, боясь пропустить даже нотку чудесной мелодии.

– Благодарю, сестра, – захлопала пушистыми ресницами телёнок Матриция.

Хоть не мычит, и на том спасибо, злобно подумала я. Но сама себя одёрнула: не стоило обижаться на девушек за то, что они не верили мне. В конце концов, я бы и сама не поверила в легенды Ордена Крона, не проводи я целый год подле господина Демиурга.

– Так вас всего семь? – взглянула я на оставшихся четырёх благородных дев, которые еще не успели представиться.

– Мелироанских дев всегда семь, – пояснила бледная копия Элигии. – Каждые полгода мы встречаем и провожаем сестру. Так заведено со времён открытия. Это очень символично: семеро богов Квертинда – семь дочерей Мелиры, – она дотронулась до своего знака соединения – чёрной орхидеи, и бросила взгляд на мой ошейник. – Меня зовут Хломана Дельская, я приехала из Лангсорта. Увлекаюсь изучением геральдики и родов Квертинда, но ни разу не встречала чёрного паука. Если твой дом основан больше года назад, то упоминание уже должно быть в новых гербовых книгах... Могу я взглянуть?

– На... – я запнулась. – На чёрного паука?

– Угу, – увлечённо буркнула Хломана, нахально рассматривая мою шею. – При активации ритуала менторства появляются кровные гербы. Магия Толмунда.

– Магия Толмунда, – эхом повторила я и ненароком поправила браслет-артефакт.

Надеюсь, ментор додумался обновить ментальную магию на нём. Не хотелось бы демонстрировать вновь обрётённым сёстрам то, *насколько* я от них отличаюсь. Неудачная попытка метнуть нож и без того подпортила мою репутацию.

Я сняла ошейник. С новым любопытством ощупала знакомый рельеф лап и повернула голову, позволяя любознательной леди рассмотреть знак соединения.

– Интересно... – протянула она. – Мейлори черного паука.

Взмахнула рукой, чтобы дотронуться до моей шеи, но всё-таки не стала меня касаться.

– Юна Горст, – сердито поправила я. – Как, напомни, тебя зовут? Элигия?

– Хломана Дельская, – повторила девушка.

– Не волнуйся, – оттеснила Хломану милая леди в шляпке. – Ты быстро запомнишь всех.

Я – Финетта Томсон.

– О! – обрадовалась я, услышав знакомую фамилию. – В Кроунице я доставляла диковинные вещицы госпоже Эрике Томсон, ментору Виттора Оуренского. Вы тоже родственники?

– Я её дочь, – улыбнулась Финетта. – Моя мама – выдающаяся меценатка Квертинда, знаток искусства и коллекционер редкостей. Часть обстановки замка нашей академии пожертвована ею, как бывшей воспитанницей и яростной охранительницей наследия Иверийской династии.

Финетта мало походила на мать: мягкие, плавные черты придавали девушке уютный вид. Если бы Финетту Томсон нарядили в платье простолюдинки, я бы вряд ли отличила её от обычной фермерши. На Финетте была дурацкая шляпка, похожая на тарелку фруктов: на полях лежали ягодки, персики, абрикосы и сливы. В довершение массивного убора на всем этом искусственном великолепии сидела брошь-стрекоза. Почти такая же, какая была приколата к воротничку её платья.

Я моментально окрестила девушку Стрекозой и даже подумала, что она могла бы стать частью банды изгоев. Судя по тому, как бегали глаза леди Томсон, как безразлично посторонилась Хломана Дельская, как смотрели на неё другие сёстры и как цокнула Тильда, когда Финетта обхватила мою руку обеими ладонями и активно затрясла, Стрекозу благородные девы явно недолюбливали.

– Ну а ты, – я подошла к самой юной на вид девушке, что ростом была даже ниже меня, – тоже чья-нибудь дочь? Знаменитого аристократа? Консула? Или самой Девейны?

– Княжна государства Веллапольского, милостивейшая сударыня Чресенских пределов, Лозового взморья и Дезовы, Талиция Веллапольская, – скороговоркой выдала девчонка и от неловкости опустила глаза.

– Ты не из Квертинда? – удивилась я. – Как же ты попала сюда?

– По протекции Великого консула, – заученно ответила Талиция. – Для изучения основ правления и приобретения знакомств среди знатных родов.

Я обернулась к девушкам, но не успела и рта открыть, как юная княжна неожиданно налетела на меня, обхватила обеими руками и крепко прижалась.

– Я так рада наконец познакомиться с вами, Юна Горст! – проговорила девчонка. – Это такая честь!

– Честь? – я ошалело взмахнула руками, но потом осторожно похлопала княжну по спине.

– Мейлори Кирмоса лин де Блайта, – пояснила Талиция, задрав голову. – Знакомство с вами делает нас ближе к нему.

Ну конечно. Что ещё было во мне интересного, кроме знака соединения? Даже в те времена, когда меня называли мейлори Джермонда Десента, чёрный паук был единственным, что придавало мне хоть какую-то ценность. А теперь и вовсе...

– Мы все очень счастливы, что можем назвать вас сестрой, – охотно подтвердила целительница Зидани.

Матриция сорвала крупный ярко-розовый цветок – из тех, что оплетали беседку, и осторожно заправила мне его за ухо. Поправила выбившиеся пряди.

– Вы такая красавица! – похвалила поющий телёнок не то меня, не то свою работу.

За её спиной, там, где остался ободранный стебель, уже появилась новая завязь и практически на глазах сформировался бутон. Я зажмурилась, будто всё это мне почудилось: быстрорастущие цветы, приветливость девушек, розовые птицы и бело-голубые плавные контуры замка Мелироанской академии.

Открыла глаза – и снова удивилась. Потому что к нашей компании присоединилась огромная пятнистая кошка. Она лизнула мою ладонь, а когда я её отдернула, леопард быстро переметнулся к стоящей рядом Талиции и принялся тереться головой о её платье.

– Не бойся Мотылька, – подошла Финетта Томсон. – Она добрая кошечка. Животные чувствуют, что мелироанские девы являются воплощением доброты и света, поэтому никогда не нападают.

– Теперь ты наша сестра, – заговорила Зидани. – Сестры всю жизнь ладят и поддерживают друг друга и всех верноподданных Квертинда.

– Дочери Мелиры, – скомандовала Приин Блайт. – Перчатка к перчатке! Во имя Квертинда!

Девушки встали в круг, взяли за руки и пригласили меня. Я оглянулась на Жорхе, что прислонился плечом к синей колонне беседки и с каким-то умилением наблюдал за этой картиной, и вложила руки в шершавые от кружев ладони благородных дев. Перчатки так и не надела.

Вспомнилась клятва банды изгоев, и в животе скрутился тугой ком. Я думала, что сейчас придётся приносить какой-то обет, но вместо этого девушки запели чистым, хорошо поставленным и звучным хором:

Ценность светлой силы

Хранят дочери Мелиры.

Истины простые

Добрый дух наш укрепили.

По заветам Иверийским

*Пишем жизни мы картины,
Исцеляем души близких,
Милосердием едины!*

А-а-а-а, А-а-а-а-а-а!

Я втянула голову в плечи и тихонько зашипела себе под нос. Дочери Мелиры и впрямь были истинными принцессами, только-только сошедшими со страниц детских сказок. Похожими друг на друга, но, в то же время, очень разными. Всё это выглядело так... не по-настоящему. Или, лучше сказать, слишком сладко и хорошо, чтобы быть правдой.

Удивительно, но в какой-то странной, извращённой мере я даже расстроилась от того, что мелироанские девы не проявляли ко мне вражды. Сражаться я умела прекрасно, бороться за себя и отстаивать свою честь – вот тот навык, которым Юна Горст владела в совершенстве. Но что делать, если судьба не чинит препятствий и вокруг нет врагов? Выть от тоски?

– И Лаптолину, как и Мотылька, тоже не бойся, – Хломана раскрыла кружевной зонтик: солнце и правда начало припекать макушку. – Она лучшая из всех женщин, которых ты только знала. Но ей нужно время, чтобы узнать тебя и твой потенциал. Каждая из новых сестёр проходит её жесткую проверку. Нам всем это знакомо.

Дочери Мелиры захихикали и активно закивали – все, кроме одной.

– У меня не было таких проблем, – подала голос Тильда. Она расправила юбку и обмахнулась ладонью. – Мудрые девушки находят общий язык с Лаптолиной с первого знакомства. Для человека с незаурядным умом и амбициями сложностей не существует.

Я хмыкнула уголком рта, наблюдая за изменениями на лицах шести сестёр. Что ж, возможно, не всё так радужно в их идеальном мирке. Но, по крайней мере, меня это не касалось. Никто не оскорблял Юну Горст, не задирал, не унижал, не обзывал пустышкой и сорокиной дочерью. Поэтому я не стала обращать внимания на мелкие колкости и перешёптывания мелироанских дев. Больше, чем их ехидные секреты, меня заинтересовали волшебные растения.

– А какая у тебя изначальная склонность? – спросила Финетта. Её шляпка привлекла вполне живую мошкарку, слетевшуюся к нашей большой компании. – Исцеление или искусство?

– Магия Ревда, – почти обманула я и сорвала ближайшую фиалку.

Если здесь цветы растут за считанные секунды без помощи мага, то мои навыки выглядят смешными и бесполезными. Я выжидательно уставилась на голый стебель у ног, но ничего не происходило. Секунду, другую я гипнотизировала наливающийся соком срез, но он так и оставался оборванным стеблем. Цветок не вырос сам собой. Тогда я наклонилась и вырастила рядом новую фиалку с помощью воззвания. Девушки взвизгнули и захлопали в ладоши.

– Ты отлично дополняешь сестринство! – одобрила Приин Блайт. – Поначалу мы испугались, что у нас впервые появится восьмая сестра. Это так мистически и необычно. Но теперь видим, что ты необходима нам так же, как и мы тебе. Может, даже больше.

Я улыбнулась и вручила ей сорванный бутон. Обмен цветами и любезностями – чем не отличное начало отношений? Кажется, мелироанские девы не такие уж надутые куклы. И мне действительно есть чему их научить. И, возможно, чему у них поучиться. А что до восьмой сестры... Я здесь была, как восьмой бог Квертинда – Крон, таинственный, сокрытый от всех, но всё же существующий.

– По выходным мы выходим в Мелироан, чтобы поддержать девочек-сирот из благотворительного дома «Анна Верте», – рассказала Хломана Дельская. – Это традиция, которую мелироанские девы чтят много лет. «Анна Верте» назван в честь первой выпускницы академии, ставшей королевой и женой Ирба Иверийского. Одной из величайших мелироанских дев, известных широтой души и любовью к Квертинду.

– Это та, что бросилась под дилижанс? – вспомнила я. Девушки скривились, но я была почти уверена в правильности своего вывода. – Что? Я читала эту балладу в Кроуницкой академии. Она изменила королю с генералом. Анна Иверийская.

– Верте – её девичья фамилия, – пояснила Хломана. – Герб рода – зелёная канарейка. Основан в двадцать...

– Хломана, перестань, – перебила Тильда и подошла ближе. – У Анны Верте была трагическая судьба, это правда. Как и у несчастных сироток из её дома. Мы вынуждены посещать их еженедельно, чтобы поддерживать добродетельный образ мелироанских дев. Госпожа Прв-ленская настаивает на этой благотворительности, и я её понимаю. Мы учим их, наставляем и пытаемся сделать из грязи хоть что-то достойное. Ты присоединишься к нам?

– У меня нет других планов, – я пожала плечами. – Учить сироток, почему бы и нет?

– Отлично! – подлетевшая к нам Финетта снова схватила мои ладони и затрясла их в знак дружбы. – Для мелироанских дев это прекрасный шанс показать себя.

– Ой, да хватит уже ломать комедию! – возмутилась Тильда. – Мы все прекрасно понимаем, что находимся здесь, чтобы удачно выйти замуж и занять достойное место в обществе. Правда, княжна Талиция?

В ответ самая юная дева стушеввалась, затопталась на месте и отвернулась, избегая поднимать взгляд.

– Тильда... – попыталась остудить пыл сестры Приин Блайт, но леди Лорендин подошла и что-то шепнула племяннице Кирмоса.

Что-то такое, отчего та стала ещё бледнее и почти сравнялась цветом с окружающей зеленью.

Снова таинственные игры сестринского общества? Да наплевать!

На щёку села мошка, и я прихлопнула её ладонью. Пока человеческий цветник обменивался понятными только им колкостями, я отошла к беседке и сорвала странный колокольчик, на этот раз не с ветвей, а у самых ног. И – о чудо! – на его месте тут же появилась новая завязь.

– Сёстры, – тихо позвала я, но те не отреагировали, увлечённые беседой друг с другом и тайными знаками. Тогда я повысила голос: – Дочери Мелиры! Что это за цветок?

– Это пьюстель, – охотно пояснила Приин Блайт, ухватившись за возможность избежать разговора с Тильдой. – Он всегда стремится к идеалу. Создан совсем недавно, в 197 году, одной из воспитанниц, Лерри Морвунд. Она смешивала магию Ревда и магию Девейны для создания самоисцеляющихся растений. Выжил только пьюстель. Он может восстановить свою форму за считанные часы, даже если будет оборван до корней.

– Пьюстель всегда обретает изначальный вид, – Финетта вприпрыжку подбежала к беседке, потянув за собой рой мошкары, и принялась собирать букет из колокольчиков. – Сестра Морвунд много времени провела в Саду Слёз, прячась в этой беседке от посторонних глаз. Вот и придумала себе защиту.

Девушка ловко срывала крупные соцветия. На месте оборванных тут же появлялись новые, ещё крохотные бутоны, словно цветение подгонял маг Ревда. Но пьюстель делал это сам, без посторонней помощи.

– Поговаривают, что Лерри на самом деле использовала не магию Девейны, а кровавую, – шепнула Хломана. – Знак рода у неё – отпечаток человеческой ладони, выглядит жутко. Дом Морвунд очень молодой, основан в 183 году от коронации Тибра Иверийского. Я подробно не изучала их генеалогическое древо, но, если тебе интересно, то я знаю, где в библиотеке лежат новые гербовые книги.

– Спасибо, – поблагодарила я за сомнительную информацию. И заметила, как Жорхе тоже с любопытством обрывает листья волшебного вьюнка.

– Тебе понравился пьюстель? – с какой-то неподдельной гордостью спросила Матриция.

– Под ним удобно прятать труп, – пошутила я и покосилась на стяжателя.

Хотелось взглянуть на его реакцию. Интересно, был ли Жорхе с нами в тот день, когда я прикончила разбойников? Знает ли о захоронении на Трескимале?

Стязатель Вилейн тихо засмеялся в усы, но тут же осёкся, поняв, что я за ним наблюдаю. Прочистил горло. Так-так... Очень интересно. Что ещё он знает?

Увлёкшись воспоминаниями, я совершенно пропустила то, что девушки замолчали и уставились на меня огромными испуганными глазами.

– Это просто шутка, – успокоила я сестёр, но потом не удержалась и пояснила: – Труп лучше всего присыпать каменистой почвой и снегом. Но, за неимением того или другого, сгодится и пьюстель.

Жорхе снова засмеялся, теперь уже открыто, и я почему-то почувствовала особое родство с ним. Он единственный, кто связывал меня с прошлым, пусть его роль и заключалась лишь в молчаливом преследовании. Я порадовалась маленькой победе, но смех стязателя еще сильнее напугал девушек, сбившихся в кучку возле ограды. Даже Мотылёк спряталась за их юбками.

– Не бойтесь, – надула я щёки. – Теперь я ваша сестра, благородная дева и дочь Мелиры. Новая жизнь, новая Юна Горст, новые горизонты. И никаких трупов.

Благородные леди всё ещё затравленно переглядывались, и мне снова пришлось их приободрить:

– Что там у нас с вами намечается? Сиротки из дома «Анна Верте»? Не так и плохо, – я развела руки в стороны и улыбнулась как можно дружелюбнее.

Первой отмерла Тильда. Хмыкнула в ответ по-простому и отошла подальше от девушек к невысокому волнистому забору, выложенному разноцветной мозаикой. Должно быть, он имитировал морскую волну.

– Тебе понравится Мелироан! – оживилась Зидани Мозьен. – Каждая улица там носит название отдельного цветка. Ты же маг Ревда, значит, любишь природу и цветение.

Она взяла меня под руку и накрыла от солнца своим зонтиком. Легкая тень действительно была кстати, и я облегчённо выдохнула, кивая в такт быстрому щебету леди Мозьен. Следом, так же по парам, двинулись остальные благородные девы и Жорхе Вилейн в суровом одиночестве.

– Ты уже втирала масло в пальцы? – спросила целительница и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Я знаю, что тебе в услужение поставили Эсли. Считаю, повезло, потому что Эсли прекрасно разбирается в маслах. Она быстро приведёт твою кожу и волосы в порядок: её талант к смешиванию трав, настоек и мазей сравним с магией Девейны и Нарцины! – Зидани заметила коричневую бабочку и протянула к ней ладонь: – Ах, посмотри, какая чудесная осенница! Совсем скоро тепло сменится прохладой.

Осенница села на ладонь девушки, и в памяти мелькнули другие, ярко-голубые крылья бабочек в кабинете Демиурга. Интересно, он уже ищет меня? Много ли людей из Ордена Крона на юге? Есть ли здесь приюты? Сколько времени я смогу прятаться?

– Да, чудесная, – задумчиво буркнула я.

Прогретый воздух Батора подрагивал от зноя и духоты.

Изумрудная зелень клевера на лужайке привлекла павлина и белого гуся, что привольно разгуливали по траве. Следом за птицами, словно часть их стаи, шла служанка в белом чепчике. Она пыталась изловить пернатых с помощью бурой холстины, но подходила к этому занятию с осторожной бережливостью и важные птицы были уверены, что девушка предназначена исключительно для того, чтобы обмахивать их своим нехитрым орудием.

Мелироанские девы, завидев эту картину, звонко засмеялись.

Именно так, дружно, под девичий хохот, мы вышли из Сада Слёз.

Ближе к замку Мелироанской академии стало прохладнее: исходящая от бассейнов свежесть приятно холодила разгорячённую кожу. Яркие неглубокие донца пестрели от мозаики.

Красиво здесь.

Тихо, спокойно, безмятежно.

Скучно.

Я сжала тиаль с песком и нащупала в волосах миинх. Жалкие крохи, оставшиеся от тех времён, когда у меня была опасность, которой я могла посмеяться в лицо. И верная сталь, дробящая черепа икша. Любимые друзья, боевые тренировки и ментор. Конечно, ментор.

Теперь же от прежней жизни осталась только память.

Вернусь ли я когда-нибудь в Кроуниц? Смогу ли стать прежней Юной, смелой и свободной?

Я не знала.

Но этим утром утешилась тем, что сказочная страна, населённая добрыми, пусть и одинаково наивными принцессами, – не самое плохое место для тюрьмы.

Глава 2. Истинные лица

Стук в дверь раздался в тот момент, когда Арма и Стрилли как раз собирались распахнуть створки. Новая корзина цветов из известной лавки леди Дижуре готовилась отправиться прочь из моей комнаты. Известна эта лавка была, как я поняла со слов Армы, более всего стоимостью растительных шедевров: цены на композиции доходили до десяти тысяч лирн. Баснословные деньги! За такую сумму можно приобрести добрый лук в мастерской Помпоза Норма или пару отличных кинжалов.

Пока я раздумывала, приняла бы я от Кирмоса лин де Блайта букет смертоносной стали, служанки отворили дверь и пустили двух незваных гостей.

– Ландыш говорит о надёжности и прочности ваших уз, маргаритки намекают на терпение господина, а вплетенные по краю корзины ветки оливы призывают вас к миру, – с тяжёлым вздохом рассказывала Эсли о значении сегодняшнего букета. – Даже записку не прочитаете?

Я отрицательно мотнула головой и шагнула навстречу сёстрам, недоумённо провожающим глазами букет. Обе выглядели не только потрясёнными, но и весьма растрёпанными. Словно лазали на купол беседки в Саду Слёз. Ну, или хотя бы пытались.

– Мы пришли помочь тебе с подготовкой к приёму, – отдышавшись, начала Финетта. Без шляпки я едва её узнала, но броши-стрекозы быстро напомнили, что передо мной дочь Эрики Томсон. – Каждая мелироанская дева должна быть представлена Баторскому свету по приезду в академию. Обычно Лаптолина Првлёнская даёт большой приём в честь новой воспитанницы, но тебя, как мейлори черного паука, представят только консулу Батору и нескольким знатым господам.

Её подруга Матриция Ноуби воровато выглянула за дверь и осторожно её притворила. Интересно. Такое ощущение, что обе девушки скрывались и явно торопились.

– Мне уже сказали, что я должна буду улыбаться и кланяться какому-то важному хрычу, – я села на мягкий пуфик и поймала в отражении недоумевающий взгляд Эсли. – Но разве служанки не справятся с подготовкой?

– Конечно, но... – Финетта обернулась к подруге, но потом всё же нашлась: – Поддержка сестёр в такой важный день не может быть лишней.

– Ты не против, если мы останемся? – с надеждой спросила рыжая Матриция. – Я могу что-нибудь спеть!

Поющий телёнок отлепилась от двери, подошла к леди Томсон и осторожно взяла её за край ладони. Обняла одним мизинцем. Эти двое будто ждали от меня смертного приговора. Обе в летящих платьях, кружевных перчатках и с мольбой во взглядах. Матриция чуть выше Финетты, вместо стрекоз и прочих украшений – роскошный тиаль с играющей внутри арфой, весь усыпанный желтыми и белыми камнями.

– Не против, – коротко бросила я и позволила служанке нацепить на себя ошейник.

Появление Матриции и Финетты и их любезности выглядели до жути странными. Даже Эсли с Армой явно удивились. Наверное, ещё пару лет назад я бы поверила в светлые намерения благородных дев и охотно бы с ними подружилась. Но времена доверчивости и простодушия прошли. Теперь я была мейлори чёрного паука. Всё ещё.

И это означало не только то, что моя персона обрела в Квертинде новую особую ценность для знати, но и то, что я помнила уроки ментора. Нетрудно было предположить, что этим леди что-то от меня нужно, и я не собиралась обманываться насчёт их великодушия. С другой стороны, даже видимость сестринского расположения казалась выгодной, как минимум, до тех пор, пока я не пойму, где на самом деле оказалась и каковы их истинные лица. Так что я не стала с порога выгонять прелестных дочерей Мелиры.

– Странно скрываться в академии и при этом представляться каким-то чужим людям, – решила я сама поддержать беседу. – Мне казалось, что Юна Горст должна исчезнуть для Квертинда.

– Она и исчезла, – Матриция порывисто подлетела ко мне, приободрённая моим радушием, взяла за руку и уселась прямо на пол, на мягкий ковёр. – Сегодняшний приём тайный и закрытый. Только для тех, кого лично одобрил консул лин де Блайт. Для всех остальных ты – Сирена Эстель.

– Что? – Я резко развернулась, и корсет больно надавил на рёбра.

От неприятной боли скривилась и выпрямила спину. Это воистину пытка! Ребра и грудь и без того болели после вчерашнего знакомства с корсетом, будто после утомительной тренировки на мечях. А сегодня мне предстояло ещё и делать вид, что я имею какое-то отношение к миру ограничений, культуры и этики.

– Я подслушала разговор Лаптолины, – с важностью рассказывала Финетта. – По документам ты попала сюда как Сирена Эстель, которая приехала учиться из Кроуницкой королевской академии. Некая ректор Аддисад передала рекомендации и личное письмо для госпожи Првленской. Сирена Эстель исчезла в Кроунице и появилась здесь, в Мелироане. В твоём лице.

– Но как же так? – я размяла спину. – Сирена... Где она – настоящая? Куда она делась?

– Она существовала на самом деле? – удивилась Финетта.

– Ну конечно! – вскочила я. – Она вполне живая, возможно, даже живее всех, кого я знаю. Она моя подруга!

Девушки недоумённо переглянулись и пожали плечами. А я задумалась. Не мог же ментор убить Сирену? Или мог? Может, её отдали таххарийцам на откуп? Что вообще происходило на Галиофских утёсах, помимо нападений икша?

– Сёстры, – как можно ласковее начала я и улыбнулась, – а расскажите мне, что вы слышали о событиях в Кроунице? О хьёль-амире? О провале испытания Кирмосом лин де Блайтом?

– О-о-о! – нараспев протянула Матриция и заговорила быстро, будто только и ждала этого вопроса: – Мы так вдохновлены тем, что для тебя сделал ментор! Его пример впечатлил всех квертиндцев. Такая жертва и такая преданность вашему союзу... – девушка захлопала ресницами. – Он отдал за вашу любовь корону и едва не потерял жизнь!

– За нашу любовь? – уточнила я.

– Только не обижайся, – выставила перед собой ладони Финетта. – Тильда рассказала нам, что у вас с ним... особые отношения. Что вы связаны не только узами менторства, но и чувствами. Она считает, что в иной ситуации Кирмос лин де Блайт так бы не поступил.

– Тильда, значит? – переспросила я и уселась в кресло-качалку. Оттолкнулась босой ногой от пола и закачалась, наблюдая, как вместо огня в камине колышется кружевная занавеска.

Ещё при первом знакомстве Тильда Лорендин показалась мне самой смышлёной из всех, но только теперь я начала осознавать, насколько она неглупа. Пожалуй, она не единственная, с кем стоило бы быть осторожной. Лучше не подтверждать и не опровергать слухов. Пока они остаются слухами, я в безопасности. Демиург учил, что нельзя открывать своих слабостей, что нужно держать всех вокруг в замешательстве. Если они не будут знать, в чем я уязвима, то не смогут мной манипулировать.

– Кроме нас, больше никто не знает! – поспешила заверить Матриция. – Ни другие сёстры, ни госпожа Првленская, ни служанки.

Я подняла краешек губ. Святая наивность! Сомневаюсь, что Тильда догадалась, а Лаптолина – нет. Впрочем, это уже не важно. Мы берегли нашу тайну в Кроунице, наш маленький счастливый мир, а теперь всё это так далеко, так невероятно, что даже мне самой кажется неправдой.

Почти забытое, горькое и болезненное чувство, обида и надежда маленькой Юны шевельнулась в груди в отчаянной попытке расколоть скорлупу безразличия. Чтобы срочно отвлечь себя каким-нибудь глупым занятием, я вытянула вперёд ладонь и рассмотрела её. Стараниями Эсли кожа на подушечках стала нежнее, ногти – аккуратнее. Непривычным жестом развернув кисть, я слегка поиграла пальцами, будто они были унижены перстнями.

– Ментор и мейлори в Квертинде не должны нарушать этических норм, – Финетта была явно обеспокоена моим молчанием, поэтому потрудились оправдаться. – Он же как отец тебе, как старший брат. Кровная связь делает вас почти родственниками... – Она подошла, села напротив и заглянула в глаза. – Но мы не осуждаем.

– Наоборот, – голос Матриции дрогнул. Девушка порывисто шагнула к нам и с размаху налетела на Стрилли, тащившую ворох подушек куда-то в комнату гигиены. Под возмущенное «лу-ли» подушки разлетелись, мелькнув вышитыми наволочками. Леди Ноуби извинилась перед рудвиком и горячо продолжила: – То, что сделал Кирмос лин де Блайт, дало надежду всем влюблённым квертиндцам. Ваша история особенная, она придёт силы и воодушевляет! Фи, – с улыбкой обратилась она к подруге, – помоги же мне!

– За любовь, за счастье и друг за друга надо бороться до конца, – вторя ей, зашептала леди Томсон. – Даже если вас осудит всё королевство, даже если ваша любовь не совсем такая, какой её привыкли видеть квертиндцы...

Финетта замолчала, развернувшись к Матриции. Девушки переглянулись с нежностью. Таинственная пауза длилась и длилась, пока наконец до меня не дошло.

– Подождите, – с подозрением нахмурилась я.

– А давай я тебе спою! – звонко перебила телёнок Матриция.

Она подпрыгнула, хлопнула в ладоши и с нарочитой суетой скинула туфли. Взорвалась на пufик, словно он был импровизированной сценой. Её подруга с жаром зааплодировала, призывая меня присоединиться. Я развела руками, потрясенно переводя взгляд с одной на другую.

Сестра Ноуби запела:

Pu ignem canvi do, poctar pu meo corde

Te krimis min basson el calmi essinca.

Co hujo ma altar benmonio del Tolmund,

Deveine mir vital jo cripta nimita.

Я застыла с открытым ртом. То ли от неожиданного осознания, то ли от чарующего, гипнотизирующего голоса Матриции. В песне она преобразилась: стала просто нечеловечески привлекательной, превратилась из телёнка во взрослую женщину невиданной красоты. В этот миг, глядя на её раскосые глаза, лёгкий румянец, тонкие запястья и чётко очерченный подбородок, подсвеченный желтой магией тиаля Нарцины, я бы назвала Матрицию Ноуби самым прекрасным существом, когда-либо мною виденным. Это была сокрытая красота, и оттого осознать её было особенно трепетно. В хриловатом голосе девушки звучал звездопадом Кроуниц, густились туманы Галиофских утёсов и дрожали вершины скал. И тот лёд, что я носила в себе, тоже дрогнул.

– А перевод? – я вцепилась в подлокотник плетёного кресла и остановила его ход. – Что означают эти строки?

– Ты не знаешь тахиши? – удивилась Финетта.

– Я сама перевела этот отрывок баллады на язык древних волхвов, – похвасталась Матриция. – Это настолько красивые и грустные слова, что они заслуживают звучать в вечности. Но, если хочешь, я могу спеть ещё и оригинал.

Она кокетливо поправила платье, сверкнув ярко-синим подолом с блестящими золотистыми вставками, и вновь затянула знакомую мне мелодию:

*Был мир совсем иным, огнём и страстью полон,
Неужто он исчез, как тень твоей любви?
И лёд в моей крови не раздробит сам Толмунд,
Девейны светлый взор не сможет исцелить.*

– Матриция! – восхищенно прошептала Финетта, не отрывая глаз от завораживающей певицы. – Ты действительно поцелована Нарциной! Музыка, что ты сочиняешь, трогает душу...

– Милая Фи, – взмахнула руками певица, – я бы хотела быть автором этих строк, но короткий этюд подарил мне заезжий бард ещё летом. Он говорил, что это отрывок из его баллады, которую он обязательно напишет.

– Маэстро Мелироанский! – я вскочила и заметалась по комнате. – Гений Тибрийский! Ну конечно!

– Нет-нет-нет, – увлечшись образом, пропела Матриция. – Менестрель Везулийский.

– Да не важно, – отмахнулась я. – Скажи, а продолжение? Ты знаешь продолжение?

– Он его ещё не написал, – пожала плечами леди Ноуби. – Вы знакомы?

– Да, – быстро выпалила я, но потом исправилась: – Нет.

И потёрла лоб. Возможно, у меня разыгралось воображение и я начала превращаться в мелироанскую деву с глупыми суевериями, наивными выводами и впечатлительностью, но прямо сейчас обнаружилась некая связь моей жизни с песнями барда. Строчки оказались как никогда трогательными, они отражали то, что было у меня на душе: чувство невосполнимой потери и пустоты.

Я попыталась вспомнить первую встречу с менестрелем в Нуотолинисе, но очень некстати на ум пришла Сирена Эстель, которой я теперь являлась. Ворох догадок никак не желал становиться в ровный ряд, от недостатка воздуха закружилась голова. Проклятый корсет!

– Эсли, – рявкнула я очень недружелюбно, – ослабь эту пыточную шнуровку!

Служанка напуганным кроликом метнулась ко мне, и уже через минуту я вдохнула полной грудью. Но не успела порадоваться, как в дверь снова постучали.

Захотелось кого-нибудь хорошенько треснуть. Разбить расписные вазы, все цветочные тарелочки и на обломках баторского фарфора устроить танец пробудившегося безумия.

Но вместо этого я сама лично распахнула дверь, чтобы обнаружить на пороге ещё пару докучливых сестёр. Тактичность дочерей Мелиры явно была переоценена, потому что в следующий миг Тильда Лорендин, в такую жару обёрнутая в палантин из горноста, без приглашения вошла в мою комнату и встала строго посередине ковра. Изыщно развернулась – так, что ткань платья красиво обернулась вокруг стройных ног, и победоносно улыбнулась.

Следом, обхватив небольшой инкрустированный сундучок, просеменила Хломана.

– Конечно, вы можете войти, – с едким сарказмом разрешила я и хлопнула дверью.

– Ты уже готова к приёму в твою честь, сестра? – Тильда скинула отороченную мехом накидку прямо на пол и стянула кружевные перчатки.

Хломана Дельская поставила драгоценную ношу на низкий плетёный столик и плюхнулась в кресло, отчего Матриция и Финетта прижались к стене и затравленно притихли.

– Не справляюсь без вашей помощи, – ввернула я, осматривая компанию. – Вы ведь тоже пришли поддержать меня морально?

– Ещё чего, – фыркнула Тильда. – К тому же твоё представление – только повод, удачное прикрытие для другого знакомства, гораздо более важного для Квертинда. Но не будем сейчас об этом, – она промокнула платочком лоб. – Я бы не явилась сюда, не будь у меня весомой причины, – она закатила глаза и заговорила с подчёркнутым выражением: – «В моём лице узрите вы возмездие, и кара за грехи умерщвляет плоть».

– Ты тоже переводишь строки на какой-то непонятный язык? – по-своему расценила я высказывание Тильды.

– Поэма «Царственность», – пояснила Хломана, вальяжно раскачиваясь в кресле. – Глава девятая, строфы о наказании заблудших душ.

– Вы пришли меня наказывать? – я сложила руки на груди и развеселилась.

Даже если все четыре сестры вдруг решат напасть разом, вряд ли у них есть шансы. Жаль, придётся устроить погром в собственных покоях, но я уже давно заметила тяжёлый фарфоровый подсвечник для одной-единственной свечи. А если из декоративной клетки, служащей вазой для очередного букета, вытащить металлический прут, то я буду практически вооружена.

– Не тебя, – как будто даже возмутилась Тильда. – А этих двух негодниц, оскверняющих звание мелироанских дев. Они сбежали от меня и, видимо, решили, что смогут найти защиту здесь, у мейлори чёрного паука.

– Матрицию и Финетту? – удивилась я. – Что они сделали?

– Кое-что непростительное, – пояснила Тильда и, подойдя к пузатой расписной вазе, взбила руками букет астр.

Пушистые соцветия осенних красавиц ярко пестрели на фоне нарисованных на стенах розовых узоров. Настоящие розы я приказала выкинуть из моей комнаты ещё прошлым вечером. Я не была против растений из местного сада: они словно окружали меня любимой стихией Ревда. Но аромат роз всё ещё напоминал о домике Чахи и вызывал тошноту.

– Что именно? – задала я вопрос, которого от меня явно ждали.

Хломана тихо хихикнула в кресле, наблюдая за происходящими изменениями. Финетта спряталась за спиной Матриции, а последняя вновь превратилась в корову. Точнее, на этот раз – в покрасневшего, разъярённого быка. Того и гляди, пойдёт пар из ноздрей. Но копытом девушка не била и явно не рвалась в драку. Я показательно зевнула и прислонилась плечом к дверному косяку.

– Слышала когда-нибудь о позоре Мелироанской академии, от которого она не может отмыться много лет? – спросила Тильда почему-то у астры, которую вытащила из букета. – Ошибки прошлых сестёр бросают тень и на нас. Двадцать лет назад здесь училась некая леди лин де Торн.

– Дамна? – заинтересовалась я и тут же сама ответила: – Конечно, слышала. Дамна лин де Торн – мелироанская благородная дева.

– Даже такие, как ты, знают о минувшем скандале, – скорчила гримасу Тильда и бросила астру на пол. Её тут же подобрала Эсли и вернула на место. – Дамна лин де Торн не имеет права называться благородной девой. Её исключили в 191 году. Тогда ещё молодая Лаптолина Првленская способствовала её разоблачению. Госпожа лин де Торн посмела проявить весьма не сестринский интерес к подруге – Нарделии Линдрен. Последней удалось избежать позора: её спешно выдали замуж за какого-то богатея-выскочку Эстеля. А вот Дамна во всеуслышание признала свои прегрешения. С тех пор о мелироанских девах ходят унижительные слухи.

– Ты не имеешь права диктовать людям, кого любить! – неожиданно взорвалась Матриция. – Любовь – великое чувство! Она исцеляет, вселяет надежду, дарит крылья и талант... – Она задохнулась, подбирая слова. – Нужно бороться за свою любовь, как сам Кирмос лин де Блайт...

– Конечно, имею право! – прикрикнула Тильда. – Мы, сёстры, связаны. Скованы одной цепью! Задача всех благородных дев – беречь репутацию друг друга от гнусностей и срама.

– Послушай, Тильда, – Финетта вышла и растерянно улыбнулась. – Мы не имеем отношения к тому, о чём ты говоришь... Мы просто близкие подруги.

Дочь госпожи Томсон нервно теребила стрекозу на платье и боялась сделать лишний шаг. Низенькая девушка, казалось, уменьшилась ещё сильнее. Я хмыкнула. Тоже мне, борцы.

– Ложь! – заявила леди Лорендин. Её тонкие, чётко очерченные брови едва заметно подёргивались. – Вы всегда вместе, неразлучно, гуляете по коридору, взявшись за руки. Вас могут увидеть дети! Вы не только нарушаете нормы приличия, но ещё и настолько глупы, что не способны держать это в тайне!

– Откуда здесь дети? – спросила я, но меня не услышали.

Сестры были целиком поглощены конфликтом. Хломана Дельская, до сих пор мирно качавшаяся в кресле, раскрыла сундучок. Внутри оказались швейные принадлежности: вязальные спицы, мотки пряжи и прочее рукоделие. Ничего интересного, на мой взгляд, но Финетта Томсон ахнула, попятилась и, обняв Матрицию, тихонько заплакала.

– Мы, как сёстры, больше не можем прощать вам проступки, – уже спокойнее проговорила Тильда. – Но! – Она подняла палец вверх. – Лаптолине я тоже пока не расскажу, иначе вам обеим не избежать кристального колодца. И позорного исключения.

– Тильда, прошу тебя, – испуганно проговорила Матриция. – Это неправда, ты неверно всё поняла...

Хломана достала какой-то предмет из сундучка и церемониально вручила его Тильде. Та изящным жестом обхватила лакированную деревянную рукоять и велела служанкам зажечь свечу. Удивительно, но они повиновались. Когда же леди Лорендин поднесла своё орудие к пламени, до меня дошло, что это такое.

– Один проступок – одно клеймо, – замороженно глядя, как нагревается печать, проговорила Тильда. – Начнём с самых незаметных мест. Например, с затылка Матриции. Она и без того уродлива, а если её кожу отметить позорным клеймом, может, это отвадит Финетту... – Сестра вытянула перед собой раскаленный штамп и приказала: – Хломана, подними ей волосы. Юна, – о моём существовании наконец-то вспомнили, – держи сестру, чтобы не дёргалась. Говорят, ты боевой маг и весьма неплохой. Справишься?

– Нет, – спокойно ответила я, не шелохнувшись. – Я не буду участвовать в травле.

– Это не травля, – искренне возмутилась Тильда. – Это урок и назидание. Поверь, мы оказываем милость сёстрам, сохраняя их тайну от Лаптолины и избавляя от официального наказания. Но и спустить проступок тоже не можем. Тебе лучше принять правильное решение и поступить мудро. Или хочешь, чтобы тебя тоже записали в извращенки, как этих дурочек?

– Ладно, давайте начистоту, – я глубоко вдохнула, отлепилась от дверного проёма и встала между парами девушек, не позволяя им приблизиться друг к другу. – Вы открыли мне свои секреты, я открою вам свои. Справедливый обмен, – ухмыльнулась краешком губ и продолжила: – Мне наплевать. И на вас, и на вас, – кивнула на удивлённых леди по очереди. – Ничего личного, но вы мне не сёстры. Даже не подруги. Я ничем с вами не скована. И меньше всего хочу ввязываться в неприятности. Я здесь надолго не задержусь, так что буду благодарна, если вы сейчас же покинете мою комнату и просто перестанете меня замечать.

Остывающая печать качнулась в опасной от меня близости, и я уверенным жестом вывернула её из рук изумленной Тильды Лорендин. Помахала ею в воздухе, чтобы остудить, и едва не пригнала служанку Арму, которая непостижимым образом оказалась рядом.

– Но она же поступает несправедливо! – вмешалась Матриция, поняв, что опасность миновала. – Она хочет нас изуродовать! Ты ведь мейлори черного паука...

– Я – Юна Горст, – поправила я. – И не собираюсь выбирать сторону. Хотите клеймить друг друга, оскорблять, резать волосы, пальцы, глаза – пожалуйста. Только не в моей комнате. Кровь слишком трудно отмыть, знаю по своему опыту. А к белому ковру я уже прикипела, – в подтверждение я погладила длинный ворс ступней. – Мне понравилось ходить босиком.

Тильда хотела что-то сказать, но я резко взмахнула её же печатью и перебила:

– Повторяю: мне наплевать. Мне не интересны ваши благородные девичьи дразги и разногласия, как и ваши предпочтения. Договоримся так: вы не вмешиваетесь в мою жизнь, а я

закрываю глаза на ваши пристрастия, будь то... – я запнулась, – пристрастия друг к другу или к насилию друг над другом. А сейчас проваливайтесь.

Под растерянными взглядами я кинула печать в шкатулку, защёлкнула её крышку и вручила Хломане. На секунду мне показалось, что девушка смотрит с восхищением и благодарностью. Уточнять её истинные чувства не стала и поспешила выпроводить сестёр, пришедших поддержать меня перед приёмом в мою честь.

– Ну же, – я распахнула дверь и кивнула на выход. – Вечеринка окончена. Мне пора чулки натягивать и... что там ещё?

– Наносить ароматную воду, – торопливо подсказала Эсли. – Как раз доставили флакончик с запахом тарокко и эдельвейса. Как вы и просили, леди Горст.

Тильда подняла с пола свою меховую накидку, ещё раз оценила ситуацию. Видимо, размышляла, как обернуть всё себе на пользу. Я не дала ей времени на раздумья.

– Приказываю вам покинуть покои, – собственный голос прозвучал удивительно твёрдо.

Отдавать распоряжения я научилась ещё в банде изгоев. Управлять разгорячёнными парнями куда сложнее, чем обиженными леди. Девушкам, по крайней мере, не пришлось давать по морде. Хотя руки у меня так и чесались.

Шурша платьями, четыре стройные фигурки проследовали мимо.

– Спасибо, – прошептала Финетта у выхода и попыталась схватить меня за руки, но я убрала их за спину. – Спасибо тебе, Юна! Мы будем бороться за свою любовь, как твой ментор.

– Успехов, – искренне пожелала я.

Неожиданно все четверо развернулись и присели в реверансах.

– Хорошего дня и удачного приёма, сестра, – пропела Матриция.

– Благодарим за чудесное утро и гостеприимство, – вторила ей Тильда, которая недавно собиралась заклеить сестру.

– Счастливы были разделить с тобой эти часы, – отозвалась Хломана.

Хотелось рассмеяться им в лица, и я бы так и сделала, но в следующую секунду обнаружила причину столь явного лицемерия.

Слева, в светлом просторном коридоре стояла группа маленьких девочек. Не меньше десятка пар детских глаз смотрели на мелироанских дев неотрывно и с восхищением. Осознав, что пришла моя очередь отвечать, я едва не начала заикаться от пристального внимания. Выбор между искренней неприязнью и притворным лицемерием под взглядами девочек оказался не таким уж простым.

И неожиданно для себя я оробела. Почти так же, как недавно Финетта перед обвинениями Тильды. Как будто струсил.

– Хорошего дня, сёстры, – онемевшими губами ответила я. – Берегите себя.

Над детской толпой прокатился восторженный ах. Старшая служанка – должно быть, наставница или воспитатель, сразу же призвала их к сдержанности и приличиям.

Группа детей двинулась дальше по коридору, но одна из девочек отделилась, тихонько подошла ко мне и вручила пучок соломы. В потрепанной связке я узнала самодельную куклу. Должно быть, малышка берегла её ещё с приюта.

– Для новой благородной девы, – подняв блестящие глаза, шепнула воспитанница. – Пусть Девейна и Нарцина хранят вас!

– Спасибо, – только и успела ответить я.

Девочку строго окликнули, и маленькие башмачки застучали по полу, унося свою хозяйку прочь.

– Наш договор в силе, – на всякий случай напомнила я четырём девушкам и захлопнула дверь.

Прислонилась спиной к створке, надула щёки, тяжело выдохнула и зажмурилась. А когда открыла глаза, обнаружила перед собой Стриллы с запотевшим кувшином лимонной воды.

Кажется, там ещё плавали дольки тарокко. Арма подала стакан, и я удивилась расторопности и внимательности служанок. Поблагодарила обеих и жадно припала к освежающему напитку.

– Эсли, – позвала я, напившись. – Что в академии делают дети?

– Живут, – пояснила девушка. – Способные сиротки из приюта «Анна Верте» попадают сюда на обучение. Впоследствии они становятся служанками благородных дев. Верными и преданными горничными. Многие леди забирают девушек себе в услужение, дают им защиту, кров и достойную жизнь.

– Разве вам хочется всю жизнь прислуживать?

Я села на мягкий пуфик и пристроила соломенную куклу у зеркальной рамы. Надо заметить, весьма необычной: блестящую поверхность обрамляли белые кованые листья, цветы и ягоды, а внизу разлеглась прекрасная дева – не то одна из местных учениц, не то сама Нарцина. Она казалась живой: в крохотной скульптуре можно было разглядеть даже рельеф мышц и линии на ладонях. Не сомневаюсь, что этот предмет интерьера создавала какая-нибудь ода-рённая искусница.

– Быть горничной госпожи – почётно, – заявила Эсли, расчёсывая мои волосы. – Лёгкая работа с красивыми материалами и людьми, с ароматными маслами, в богатых интерьерах и среди знатных господ. Для сиротки, считающей за удачу работу посудомойкой в таверне, это просто мечта.

– А как же свобода?

– Свобода не для сироток, леди Горст, – она растёрла в ладонях капельку масла и принялась пропускать длинные пряди между пальцами. – Это роскошь, доступная богатым. А для нас – небольшая цена за комфорт, сытость и тепло.

– Золотая клетка, – задумчиво провела я пробкой флакона по шее. Знакомый цитрусовый аромат моментально напомнил о Кроунице. – Почему-то кажется, что не все запертые здесь животные так же дружелюбны, как леопард Мотылёк.

– Мы не дадим вас в обиду, госпожа, – пискнула Стрилли и обхватила меня пушистыми лапами.

Я погладила её по шелковистой шерсти. Трогательная забота рудвика умиляла, как и преданность служанок.

Моя новая банда ещё не знала, что обидеть нынешнюю Юну Горст очень и очень сложно. Ведь среди местных зверушек самым опасным хищником была я.

– Консул Батор – покровитель и благодетель нашей академии, – шепнула госпожа Првленская, едва я вышла на крыльцо. – Личное знакомство с ним – большая честь даже для мейлори чёрного паука. Выпрями спину! – сквозь зубы прорычала женщина и более спокойно продолжила: – А голову склони. Присядь в реверансе, выражающем глубокое почтение и покорность. Не заговаривай первая, не поднимай глаз и даже не вздумай перебивать его! Скажи: «Рада вас приветствовать, Ваша милость». Простая фраза, не требующая диалога и интонаций. Справишься?

На секунду я перенеслась в кроуницкое консульство, к дверям кабинета Рутзского. В тот момент я и не знала, какая честь мне выпала. Будь у меня немного больше опыта и рассудительности, я бы смекнула, что мелких преступниц не представляют консулам. А значит, мой случай уже тогда был особенным и имел веские причины. Грустная улыбка тронула губы. Всё ведь было на поверхности!

– Где ты витаешь? – Лаптолина осмотрела меня, нервно поправила платье, прошлась пальцами по волосам. – Соберись! Встань в ряд слева от леди Талиции, на ступеньку. Как последняя прибывшая сестра. – Она взяла меня под руку и самолично проводила до нужного

места. – Это важный день. Сегодня ты представляешь не только своего ментора, консула Верховного Совета и наместника полуострова Змеи, но и всех мелироанских дев.

– Кого угодно, только не себя, – вздохнула я, вспоминая крышу театра и Кроуниц в огнях.

– Не прибедайся. Здесь и сейчас ты Юна Горст, но за пределами академии и для любых других людей – Сирена Эстель. Мне и так пришлось отстаивать твоё настоящее имя и заверять консула лин де Блайта, что смогу обеспечить безопасность в своём замке.

– Правда? – удивилась я.

Првленская не ответила. Она задержала служанку с подносом фруктов, переложила виноградную гроздь на тарелке, поправила белый чепчик на голове девушки и немедленно двинулась к шатрам, где повара и рудвики суетились над угощениями. Я заметила горку разноцветных пирожных, похожих на морские камешки, что усыпали дно в плавающей деревне. Только вместо воды на каждом сладком кругляше блестела иверийская корона.

– Обожаю мариоли, – подала голос Приин Блайт. – Могу съесть их сколько угодно! Сливочный крем, хрустящий бок, нежная начинка...

– Не переусердствуй, сестра, – отозвалась Тильда. – Все и без того заметили твои округлившиеся в последнее время формы.

Леди Блайт сверкнула глазами, такими блестящими, будто их полировал ювелир, и прикусила язык. Я невольно оценила её формы и не заметила никаких излишков, даже незначительных. Но отчего-то старшая из дочерей Мелиры заметно напряглась. Бледная кожа и тёмные волосы яркой красавицы Приин подчёркивало клетчатое платье в мелких оборочках, обшитых по краю синей бархатной лентой. Этот наряд невероятно шёл леди, выгодно оттеняя глубокую синеву её глаз. Хотелось сделать сестре комплимент, но она стояла слишком далеко: самой первой в ряду из восьми девичьих фигурок. Я же была последней.

– Стрилли, – от нечего делать обратилась я к единственной служанке, оказавшейся поблизости. – Передай Эсли и Арме, пусть к окончанию приёма подготовят ванну. Я уже чувствую, что вляпалась в самое вонючее троллье дерьмо из всех возможных. Будет здорово помыться, как только из него выберусь.

Рудвик охотно убежала в замок, а я невинно улыбнулась сёстрам. Душное ожидание утомляло куда сильнее, чем тренировки на Сомнидракотуле.

Мелироанские девы встречали важных гостей на пороге. Теперь я знала, что так они выражают гостеприимство и почтение любому прибывшему, будь то консул, знатный гость или новая сестра. Обычно визитёров приглашали внутрь, в голубую гостиную, но в этот раз продолжить приём решили на лужайке: недалеко от крыльца натянули шатры, накрыли столы и приволокли мягкие лавки и подушки. Южная осень всё ещё радовала ласковым теплом, и солнце висело высоко над цветочными полями, наполняя воздух пыльно-пряными ароматами.

Я поправила тусклый браслет на руке, убеждаясь, что он надёжно скрывает чёрные вены. Металл едва уловимо пульсировал от чужой магии. Стоило только остановить на нём своё внимание, как артефакт выдавал себя неслышным гулом и неосязаемым покалыванием. Должно быть, мой порядок оказался уже достаточным для того, чтобы я могла на ощупь определять в предметах магию.

– Осторожнее, Марилли! – раздалось из голубой гостиной.

На звук быющей посуды обернулись все мелироанские девы. Рудвик не удержала горшок с цветочным деревом, и теперь по полированному паркету рассыпались черепки и комки влажной земли.

Служанки, что подвязывали шелковые белые занавеси над входом, бросили своё занятие и поспешили на помощь. Свободные полупрозрачные шторы тут же загородили проём от взглядов, надулись парусами. Зато прекрасно стали видны окна по обе стороны от распахнутых дверей – большие круглые витражи, изображающие райских пташек.

При ближайшем рассмотрении замок Мелироанской академии оказался абсолютно ассиметричным. Ажурный вид зданию придавали открытые балконы, округлые арки и окна, обрамленные цветной мозаикой. Даже побеленные стены местами имели плавные линии, словно контур лепил грубыми ладонями творческий великан. Или морская вода точила камень. Причудливые изгибы и неровность линий замка прекрасно маскировали оплетающие веранды и колонны глициния, роза и лиана с крупными голубыми колокольчиками. И, конечно, шёлковые занавеси, которые морской бриз без конца выдувал из окон и открытых дверей, отчего замок казалсядвигающимся и текучим. А небольшие бассейны с мозаичными донцами, вплотную подступающие к стенам, перекликались с блестящей на солнце лазурной черепицей крыши и создавали приятную прохладу.

Любоваться архитектурой мне быстро надоело, а суета служанок и вовсе раздражала. От скуки я зевнула и потянулась за долькой фрукта на пролетающем мимо подносе, но получила ощутимый шлепок по руке. Лаптолина, казалось, была вездесуща, как семеро богов и сам Крон.

– Госпожа Првленская, вы нервничаете? – не смогла я сдержать насмешки.

Она не стала отрицать. Разгладила пальцами морщинку между бровей, оглядела ряд слуг, столы с угощениями, винные бутылки на длинных блестящих столах-подставках и хрупкие конструкции из хрустальных бокалов. И натянула благодушное выражение лица с чуть подрагивающим уголком искривлённых в улыбке губ.

– Ты не готова, – пояснила Првленская свою тревогу. – Ты и недели не провела в академии. Не получила ни одного моего урока. Можешь опозориться уже на реверансе. Неужели тебе самой не страшно?

– При Эльце было страшнее, – хмыкнула я и на всякий случай заправила тиаль с песком под платье.

Так будет меньше вопросов. Впрочем, я могла ответить на любой, даже самый нахальный.

У моего революционного прошлого был один удивительный побочный эффект. После жестоких потрясений и суровых испытаний, после всех смертей, что пришлось увидеть и причинить, я приобрела холодное равнодушие к любым опасностям. Победы и поражения закаляли характер. Особенно поражения. Поэтому вся эта возня служанок, суетливость Лаптолины и сестёр, без конца требующих то зеркало, то веер, казались мне милыми, но бесполезными хлопотами. В пристанище добра и света, коим являлась Мелироанская академия благородных дев, не существовало ничего, что могло бы нести мне хоть какую-то угрозу.

– Едут! – крикнули от входа. Из-за высокой плотной стены деревьев донеслось пыхтение парового транспорта и стук копыт. – Консульский дилижанс его милости Батора! Сейчас будут здесь!

Госпожа Првленская ойкнула и направилась к воротам, видимо, рассудив, что так проявит ещё большее гостеприимство. Выглядела она безупречно: поверх простого кремового платья через одно плечо была перекинута лёгкая ткань, красиво закрепленная брошью из золота. Брошь сама по себе заслуживала отдельного внимания: цветочные лепестки из тонких пластин драгоценного металла формировали три пиона, а в центре каждого притаился розовый кварц.

– Дочери Мелиры! – быстро скомандовала Приин Блайт. – Поддержим сестру. Перчатка к перчатке!

О нет! Меньше всего мне хотелось слышать их пение, но в этот раз кружевные перчатки мелироанской девы были на мне, поэтому пришлось снова встать в круг и выслушать завывания про «ценность светлой силы». Затем каждая из сестёр коротко обняла меня, почти не касаясь. Тильда Лорендин сделала это последней, но, в отличие от остальных, крепко стиснула мои плечи.

– Не хочу, чтобы ты меня недооценивала, – загадочно шепнула сестра. – Я совсем не обижаюсь за сегодняшнее. Потому что прекрасно понимаю, что нам обеим выгодно дружить.

Между мной и тобой есть некоторое сходство, которое роднит нас гораздо больше, чем остальных сестёр. Я говорю о внутренней свободе.

– Консул Батор! – раздался голос Лаптолины из розового лабиринта. – Ваша милость, мы так счастливы видеть вас у себя в гостях! И такой приятный повод: представление мейлори Кирмоса лин де Блайта. Кто бы мог подумать, что в изгнании он найдёт нечто большее, чем уединение.

Госпожа Првленская засмеялась то ли над своей, то ли над чужой шуткой – солоноватый ветер донёс звонкие переливы её голоса и чьё-то вежливое покрхтывание.

Пока я раздумывала, стоит ли ударить Тильду в печень, она легко подтолкнула меня вперёд, навстречу приближающейся процессии. Я растерянно обернулась на побелевших от страха сестёр. Все, кроме Тильды, вылупились с ужасом и удивлением. Княжна Талиция махала руками, пытаясь что-то сказать, но не успела.

– Представляю вам Юну Горст, мейлори Кирмоса лин де Блайта, мелироанскую благородную деву, – гордо проговорила Лаптолина.

Над головой пролетела стайка мелких птиц с переливчатым оперением и зависла у алой бахромы свисающих с вазы соцветий.

Я выпрямила плечи и натянула улыбку для знакомства.

Тучный человек с длинными светлыми кудрями, похожими на парик, остановился в десяти шагах, будто наткнулся на стену. Он брезгливо осмотрел меня с ног до головы, словно я стояла перед ним обнажённой. Тяжёлая бордовая мантия мужчины была сплошь расшита золотыми иверийскими коронами, бархат волочился по земле и изрядно запылчился по самому низу. Ярче шитья выделялась огромная брошь-весы с крупными драгоценными камнями на чашах.

Сомнений не оставалось: это и был консул Батор.

Не забыв о наставлениях, я присела, как умела, и склонила голову. Но краем глаза успела заметить, что консул явился в окружении личных слуг, стяжателей и какого-то юноши. Моё пребывание здесь становилось всё менее тайным. С таким же успехом я могла спрятаться от Ордена Крона на площади Кроуница, притворившись головой дракона.

Прошла секунда, другая, третья, десятая. Двадцатая. Шея и ноги уже начали затекать, а консул Батор всё молчал. Молчала и Лаптолина.

Вдруг в повисшей душной тишине раздался громкий залиvistый смех. Тот самый парень, что пришёл с консулом Батором, разразился таким хохотом, что дрогнули листья на лианах, обвивающих изогнутые колонны галереи, и едва не лопнули расписные горшки.

– Слуги шептались, что мейлори чёрного паука отличается от нас манерами и поведением, но чтобы настолько... – осторожно начал сам консул, тоже хихикая. – Да-а, в таком виде передо мной не представляли даже многочисленные конюхи консула лин де Блайта!

– Леди Горст, что за фокусы?! – разъярилась Лаптолина. – На приёме в свою честь вы должны быть королевой, а не грязнулей!

– Одно другого не исключает, – ещё больше развеселился консул Батор. – Перед нами королева-грязнуля.

Все вокруг смеялись уже открыто. Стяжатели, слуги, даже рудвики. Несколько хохотков донеслось и из-за спины: сёстры тоже не сдержались.

Я торопливо осмотрела платье, туфли и упёрлась взглядом в свои руки, сплошь покрытые бурыми красно-коричневыми пятнами. Постаралась их оттереть, даже поплевала, но ничего не выходило. Грязь, казалось, въелась намертво.

Тогда я ринулась к ближайшему бассейну, присела у его края и ужаснулась отражению. Лицо тоже было покрыто неравномерным слоем грязи. Я выглядела... как Юна Горст, только что спустившаяся с Трескималя после драки с икша.

Наскоро поплескав в лицо прохладной водой, я подождала, пока рябь успокоится, чтобы увидеть ту же самую картину. Пятна не отмывались! Тогда я целиком окунула голову в бассейн, но и это не принесло результата. Вода осталась такой же чистой, а моё лицо – таким же грязным.

– Позвольте, – раздалось сверху.

Солнце ослепило меня, когда я развернулась к мужской фигуре, но я всё же узнала парня, что пришёл с консулом Батором. Он единственный подошёл ко мне ближе, чем на пять шагов, и подал руку.

Не соображая ничего от смятения, я оперлась на его ладонь. В следующую секунду он изящным движением крутанул меня, как в танце, и резко отодрал пломп с моего голого плеча.

Пломп! Кряхт! Как я сразу не догадалась! Какая мелкая, противная, злобная шутка!

Ручейки потекли на платье с мокрых волос, глаза защипало.

– Разрешите представиться, леди Горст, – поклонился мой спаситель. – Ренуард Батор, единственный сын и наследник Его милости консула Верховного Совета Парtimo Батора.

Он смял клейкий пергамент и завёл обе руки за спину, чтобы спрятать причину моего позора.

А я... рассмеялась. Над собой и над тем, что впервые за всё время наконец-то ощутила знакомое, родное и живительное чувство.

Нарастающую ярость.

Я откинула голову с потяжелевшими волосами и захохотала над всеми так, как они ещё минуту назад смеялись надо мной. Настала их очередь притихнуть и с испугом взирать на моё ликование. Даже если они сочли его помешательством.

О Ревд! Я была живой! Я была Юной Горст! И у меня наконец-то появился повод для мести. А это я умела делать в совершенстве. Я уже давно превратилась из жертвы в охотника и прекрасно знала, как работают эти механизмы. Сражение, борьба, наказание неугодных – моя особая стихия. И теперь я без зазрения совести могла в неё окунуться.

– Юна Горст, – представилась я Ренуарду и присела в шутовском поклоне. – Истеричная пустышка, сорокина дочь и королева-грязнуля.

И, оставив сына консула в недоумении, развернулась и уверенной поступью двинулась в сторону Тильды. Конечно же, ради того, чтобы поблагодарить сестру и крепко её обнять, как сделала это она перед моим представлением консулу Батору.

Леди Лорендин поняла всё моментально. Она вышла из ряда сестёр и скрылась за углом академии.

Я подняла уголок губ и перешла на бег. Охота началась.

– Леди Горст! – попыталась остановить меня Лаптолина. – Немедленно вернитесь! Вам нужно привести себя в порядок!

По венам хлынуло приятное предвкушение преследования. Оно заполнило меня горячим биением и придало сил. Я стала хищником, загоняющим жертву. О боги, как это было упоительно!

Второй урок ментора гласил, что страх – сильнейшее оружие. Страх помогает сдерживать стихийное насилие и увеличивает почтительность десятикратно. Если враги будут верить в легенду о твоей жестокости, то начнут обходить стороной. И уж точно трижды подумают, прежде чем выступать против.

Тильда Лорендин должна кое-что понять обо мне. Выучить правила общения с Юной Горст.

Я пробежала вдоль волнистой ограды, выложенной цветной мозаикой, и остановилась перевести дух.

Здесь, уже довольно далеко от замка, высились две башни, окружённые колоннадами. Башни-цветы раскрывали каменные лепестки, покрытые стеклянной глазурью, в самых небе-

сах. Святилища двух богинь. Красиво. Но времени рассматривать их не было. Обогнув чудные строения, я ринулась в сторону зарослей – именно там, по моим расчётам, скрывалась Тильда.

Я не ошиблась.

Светлое платье мелькнуло в просветах ягодных кустов и пропало за лиственной стеной. Сад академии, казалось, прятал от меня виновницу моего торжества. Можно было бы бесконечно петлять по дорожкам, разделённым густой растительностью, но я была слишком взбодражена. Хотелось выпустить пар.

– *Sol Amunt*, – прошептала я себе под нос. – *Eman michi'tum del Rewd*.

Зеленая магия взвилась в воздух, поднимая вверх фонтаны почвы вместе с кустами, цветами и декоративными вазами, выкорчевывая деревья и перерывая влажную жирную землю. Взметнулась стайка птиц, разбежались мелкие зверьки. Почва в Баторе была на удивление податливой. Гейзеры перерыли поляну и открыли обзор.

Грязные потоки выстреливали вокруг перепуганной Тильды Лорендин. Дочь Мелиры метнулась было обратно к святилищам, но едва не рухнула в возникший перед ней глубокий разлом.

– *Sol del bretx venie! Eman michi'tum del Rewd*.

Я окружила рвом одинокую фигурку и снова рассмеялась. Как же славно! Я в своей стихии! Магия Ревда лилась потоком, срывалась с моих ладоней и окрашивала воздух в зеленый цвет. Ну вот, а говорили, что я не знаю тахиши! Зато прекрасно владею заклинаниями на языке Древних Волхвов.

Тильда в кольце разлома представляла собой великолепное зрелище. Грязная от земли и пыли, напуганная, доведенная до истерики. Пару секунд она раздумывала, перепрыгнуть яму или нет, а я терпеливо ждала, про себя молясь Ревду, чтобы она решилась.

И она решилась.

– *Agefa sol encis*, – прошептала я ровно в то мгновение, когда туфли девушки должны были оторваться от земли. – *Eman michi'tum del Rewd*.

Заклинание сработало ещё до воззвания. Слова мне были уже не нужны.

Тиски земли плотно обхватили лодыжки леди Лорендин. Она дёрнулась в неудачной попытке прыгнуть и упала лицом в рыхлую почву под тяжестью собственного веса.

Я выдохнула и уже без заклинания закрыла кольцо разлома.

Попалась, птишка!

Боевая стихия блеснула зелёными лентами и растворилась в баторской жаре, но Тильда так и не поднялась. Она лежала, уставшая, униженная и хныкающая посреди развороченной магией поляны. Вокруг пестрели выдранные комки изумрудной травы и ветки, прыгали золотистые кузнечики.

– Кажется, это ты меня недооценивала, – я обошла сестру по дуге и шагнула ближе. – Скажу больше: ты и после этой демонстрации не знаешь, на что я способна. Боевых магов в Кроуницкой академии учат сражаться. И убивать. Думаешь, я не задушу тебя голыми руками?

Тильда вскинула голову. Отползла задом, пытаясь нащупать хоть какое-то оружие – камень, корягу, но нашла только обломанный стебель георгины. Поднялась и выставила перед собой цветок. Просто смешно!

– Юна! – крикнула сзади какая-то сестра. Кажется, Матриция.

Послышались шаги и голоса. Толпа прибывала, привлечённая интересным зрелищем. Жаль, они не видели эффектного представления ещё минуту назад. Назидание пригодились бы всем дочерям Мелиры. Но сейчас они увидят только то, как я помогаю сестре удержаться на ногах. Интересно, удастся свалить погром на землетрясение? В Баторе вообще бывают землетрясения? Плевать. Пусть знают, что это сделала я.

– Леди Горст! – позвала Лаптолина и как-то странно, очень мягко напомнила: – Помните, что я говорила вам за завтраком? Иногда необходимо прогуляться в одиночестве. Приведите себя в порядок и возвращайтесь к гостям.

Я хотела послушаться и развернуться, но Тильда больно ухватила меня за волосы, притянула к себе и прошептала в лицо:

– Думаешь, что победила? Думаешь, я одна из этих куриц, которых ты можешь напугать? Ни один враг не страшен, если знаешь, куда бить. Мне понадобились месяцы, чтобы обнаружить слабости каждой из дев. А ты приехала уже с готовой и с порога сообщила о ней.

– Ты принесла обет Девейны не выдавать моего имени, – напомнила я.

Она хихикнула.

– Сестра Горст, я вас не выдам! – брови девушки поползли вверх. – Ведь ваша история так трогательна. Влюбиться в своего ментора, властного наставника! – Она тут же переменялась и злобно прищурилась, явив своё истинное лицо: – Два года жила возле Кирмоса лин де Блайта, льнула к нему кошечкой, грела постель, обхаживала. И всё бы ничего, да вот только ты ещё и Орден Крона успела ублажить. – Тильда сделала паузу и едва не задохнулась от своего же вывода: – Неужели я попала в точку?! Ха! Видела бы ты себя! – она кивнула на мои мокрые волосы. – Понятия не имею, почему Кирмос лин де Блайт не отдал тебя таххарийцу. За что тебя можно любить? Подумай сама, разве ты можешь быть интересна такому мужчине, как консул? Дикая, неряшливая, неуклюжая хамка. Ты позор всего Квертинда! Это ты лишила нас короля и мира! Ты не только не леди, но даже не женщина. Ты мужик, которого по недосмотру нарядили в платье.

– Мужик, значит? – сплюнула я вязкую слюну рядом с Тильдой. – Что ж, дерусь я и правда как мужик.

И, не раздумывая долго, одним точным ударом врезала ей в челюсть. Не сильно, едва касаясь. Хотелось бы со всей дури, но в последний момент кулак остановили слова ментора о том, что нельзя бить женщин. С этим я сейчас могла бы поспорить, но вложенные им убеждения оказались сильнее.

Сестра Лорендин дёрнулась и едва не рухнула, но я помогла ей устоять.

– Ты уже почти труп, – пригрозила я и растёрла грязь по её щекам. – Ну и кто теперь королева-грязнуля?

Жаль, у меня с собой не было Кааса. Как показывает практика, вырезать клеймо на лбу – отличный способ укрощения строптивых красавиц.

Неожиданно Тильда обмякла в моих руках. Я даже испугалась, не убила ли её ненароком. Но она вновь стала маленькой, жалкой, сгорбилась и завывала-заплакала, закрыв голову руками.

– Прошу, не убивай меня, – громко взмолилась Тильда. – Это всего лишь невинная шалость!

– Юна, – прогремело как гром среди ясного неба. – Остановись.

Я застыла в потрясении и вцепилась в Тильду так, что её грязная кожа под моими пальцами побелела. По спине строем побежали мурашки.

Нет! Этого просто не может быть! Мне послышалось. Или...

– Джер, – сорвалось с губ.

Я резко обернулась.

Вдоль сплошной разноцветной изгороди стояло не менее трёх десятков людей. Мелироанские девы, стяжатели, служанки, консул Батор, его сын и... он.

Мой ментор.

Конечно же, не Джер, а Чёрный Консул.

В длинных тёмных штанах и блестящих туфлях. В коротком камзоле, застёгнутом на талии и раскрытом на груди так, что из-под него виднелась кружевная обшивка ворота сорочки. Вместо галстука – серебряная брошь: три змеи, сплетённые хвостами. Вместо зелёных радужек

– залитые кровавой мутацией глаза. Чёрные перчатки и тонкая молния-вена, перерезающая скулу.

– Вот теперь все и правда узнали Юну Горст, – прошептала леди Лорендин. – А ты узнала меня. Будем знакомы, сестра.

Я открыла рот и перевела взгляд на Тильду.

– Отпустите её немедленно! – потребовал консул Батор. Он уже не смеялся. – Что вы здесь устроили? Это чудовищно! Консул лин де Блайт, вашу мейлори нужно изолировать от приличного общества!

Мои пальцы разжались, и на голых плечах девушки тут же проступили следы. Она размазала по лицу слёзы вперемешку с грязью и застонала. Выглядела Тильда и правда как живой труп. Хуже мёртвого Неда Комдора.

– Леди Лорендин, – подошёл к нам стязатель – служанки боялись приблизиться. – Позвольте вам помочь.

Всклипывающую и прихрамывающую девушку увели, а я так и осталась стоять посреди раскуроченной поляны под прицелом напуганной и шокированной баторской знати. Едва дыша и ощущая, как между мной и всеми этими людьми во главе с их обожаемым лидером раскрывается бесконечная пропасть. Стоит сделать шаг – сорвёшься и рухнешь на самое дно, где для тебя уже приготовлен отдельный котёл.

– Вы правы, консул Батор, – донеслись обрывки фраз невысокого человека в бордовых одеждах и круглой шапочке. – Да-да, всё так. Опасна и неуправляема...

– Совершенно недопустимо...

– Мелироанские девы под угрозой...

Воздух в лёгких внезапно закончился, а тело непослушно обмякло, наполнилось ленивой тяжестью. Я не могла пошевелиться и всё рассматривала ментора.

Гладко выбритый и тщательно причёсанный, в нарядной одежде и в окружении охраны, он помолодел на добрый десяток лет. И отлично вписался в компанию стязателей, изящных леди и знатной аристократии. От консула лин де Блайта веяло властью, уверенностью и идеальными манерами. Совершенный убийца. Совершенный правитель. Некто иной, будто явившийся из другого, неведомого мне мира.

Он стоял молча, слушая упрёки в мой адрес, и никак не выражал своего отношения. А в тот миг, когда захотел что-то сказать, вмешалась Лаптолина.

– Это мой недосмотр, – громко заявила женщина. Она зашагала прямо ко мне, утопая каблуками во вспаханной магией земле, но оставаясь при этом изящной. Будто не шла – парила над пропастью. – Я говорила, что леди Горст ещё не готова. Видимо, устных ограничений недостаточно. Господин Вилейн, прошу вас, – она развернулась к стязателю, приглашая его последовать за ней.

Жорхе вопросительно посмотрел на ментора, и тот кивнул. В долю секунды мой тюремщик оказался рядом и защёлкнул на запястьях браслеты из рыжеватого металла. Ледяные, как само дыхание смерти, и, в отличие от артефакта, удивительно молчаливые. Ризолит. Металл, ограничивающий естественное пополнение плазмы у мага. Мне запретили творить заклинания.

– Прости, – извинился стязатель. – Иного выбора нет.

– Выбор есть всегда, – устало отмахнулась я и сама пошла навстречу ментору.

Возмущенная знать притихла и попятилась, словно я намеревалась причинить им вред. Словно это я была беспощадным кровавым магом, а не тот, кого они превозносили не хуже Иверийцев.

– Здравствуй, Юна, – всё-таки улыбнулся ментор и протянул руку, чтобы я вложила в неё свою.

Шрам над его губой стал виднее, и отчего-то захотелось тронуть его своими губами. И чёрного паука, роднившего нас. Глаза выискивали те крохи магистра Десента, который всё

ещё жил в сердце, и, к моему глубочайшему сожалению, находили. Несмотря на мутации, на почерневшие волосы и вены, меня, как измученную жаждой, тянуло к этому источнику жизни Юны Горст. Рядом с ним даже дышалось легче и пахло Кроуницем: дубовый мох, терпкая кожа и тот самый Джер. Я была готова поклясться, что знала его лучше, чем кто-то либо. А он знал меня.

Консул лин де Блайт склонил голову набок, внимательно рассматривая свою мейлори. Он ждал. Ждали и все остальные.

– Ты... – прошептала я.

Мысли и речи покинули меня. Даже обвинения. Я потянулась, чтобы дотронуться до мужского лица, и услышала, как застучало его сердце. Громко и бешено.

– Это ты... – всё ещё не верила я.

– Не «ты», а «Рада вас приветствовать, ваша милость», – тут же прервала наше воссоединение Првленская. – Помнишь, как учили? Но в данном случае мейлори позволительно назвать своего ментора по имени. Представление ещё не закончено, леди Горст. Прошу вас, достойно поприветствуйте консула. Хотя бы с этим простым заданием справитесь?

Я насупилась и замолчала. Резко отдернула руку, спрятала за спину. И увидела разом всех, кто внимательно следил за происходящим. Тильда Лорендин упивается победой. Сёстры перешёптываются. Консул Батор в компании ещё одного человека в бордовом презрительно поджимают губы. Сын Батора, Ренуард, откровенно веселится.

– Семеро богов! – не выдержала Лаптолина Првленская. – Леди Горст, не позорьте меня! Вы забыли, как зовут вашего ментора?!

Наверное, стоило подчиниться и назвать злосчастное имя. Но оно застряло в глотке, вмёрзло в глыбу отчаяния и отрицания. Стало сгустком гнева и нарицательным предательства.

– Я помню всё, – спокойно ответила я и подняла руки, демонстрируя запирающие браслеты. – И прекрасно знаю его. Чёрный Консул. Убийца моей матери и тюремщик. – Девушки ахнули, а стяжатели заметно напряглись, но я собиралась нападать на ментора только словами. – Который врал мне два года, а потом запер в этой клетке. Надел ошейник. Теперь ещё и кандалы.

– Это для твоего же блага, – перебил ментор и явно разозлился.

– Таким ты видишь моё благо? – Я тяжело сглотнула, понимая, какое разочарование представляю для всех наблюдающих. Но останавливаться не собиралась. – Недостойная ментора мейлори. Королева-грязнуля. Ты ведь знаешь, кто я на самом деле. И каково мне среди этих... Ай!

Госпожа Првленская не дала договорить. Схватила меня за руку и больно дёрнула, уводя прочь. Сделала жест мелироанским девам, и те неспешно посеменили за нами.

– Надеюсь, ты разорвёшь связь, – вырываясь, прокричала я ментору. – И поскорее. Долго я тут не протяну.

Я старалась обернуться, услышать его голос, узнать, что он ответит, но вниманием ментора уже завладело новое представление. Юная княжна Талиция в окружении служанок и стайки рудвиков склонилась в реверансе перед консулом лин де Блайтом и что-то тихо сказала ему, не поднимая глаз. К груди девушка прижимала глиняные колокольчики. В ответ ментор осторожно отнял одну из девичьих ладоней и поднёс к губам для вежливого поцелуя. Я вытянула шею, как только могла, чтобы рассмотреть их знакомство, его эмоции и реакцию остальных, но мы свернули за угол и все гости пропали из виду.

– Это послужит тебе хорошим уроком, – ворчала Лаптолина. – В нашей академии мелироанскую деву наказывают сёстры. Ты сказала мне при встрече, что магия Ревда не снимается, но ты ошибалась.

Сёстры плелись следом в молчании и унынии. Будто бы их так же волокли, как и меня. Только Тильда вышагивала бодро и выглядела довольной.

– Вы и так сняли с меня всё, что было возможно. Моё оружие. Мою гордость. Вы унизили меня, – я дёрнула рукой, но госпожа Првленская держала на удивление крепко и тащила меня куда-то мимо замка. – Теперь хотите ещё и запереть магию?

Розовый коридор остался позади. Ухоженные клумбы сменились дикими зарослями и плодовыми деревьями. Мы обогнули озёрную площадь с белокаменной Мелирой и двинулись дальше, в непроходимые дебри, где среди высокой, в человеческий рост, травы пролежала одна-единственная тропинка.

– Ты едва не навредила девушке, – коротко бросила Лаптолина.

– Да она просто лживая, лицемерная дрянь! – вспыхнула я. – Это была месть! Вы же видели пломп! Я защищалась!

– Как взбесившийся зверь, лишенный разума, – тут же среагировала женщина. – Научись находить другие способы защиты. Холодная вежливость, расчётливость, сдержанность и мудрость способны изобрести столь изощрённую месть, в сравнении с которой обычная драка покажется обезьяньей палкой. Нравится тебе быть обезьяной с палкой?

Я помолчала, позволяя тащить себя, как собачку на поводке, а потом устало ответила:

– Ничего другого у меня нет.

Мы резко остановились. Лаптолина пристально вгляделась в меня.

Как много она умела сказать глазами! Сейчас в них были такие оттенки сочувствия, которые и ободряли, и уничтожали одновременно. Настоящий букет из жалости, составу которого позавидовала бы сама леди Дижуре.

– Дочери Мелиры, – ровно проговорила госпожа Првленская и отвернулась, – долг велит вам позаботиться о сестре.

Поправив перекинутую через плечо бордовую накидку, Лаптолина Првленская гордо зашагала прочь. Она даже не убедилась в том, что её приказ будет выполнен. Уверенность этой женщины была нерушима, как Галиофские утёсы.

Девушки потупились и виновато опустили взгляды. Я размяла шею и пальцы, сделала пару шагов назад, готовая к драке. Меньше всего хотелось применять кровавую магию, ведь я была уверена, что Тильда и этот факт непременно обернёт против меня. Но сестра Лорендин, грязная и помятая, на удивление не светила довольством. Она блуждала рассеянным взглядом по пространству за моей спиной.

– Ну же, – поторопила я. – Смотрите, я безоружна!

Пока я оценивала расстановку сил, память подкинула строчку из учебника Демиурга: *Sang dalor venie*. Это на крайний случай. Сейчас не время осторожничать.

Только вот ни одна из дочерей Мелиры не спешила нападать.

– Кристальный колодец, – тихо проговорила Хломана. – Выстроен в 178 году Париной Доротин. В этом же колодце её и казнили за то, что в своём творении она использовала контрабандные артефакты из Тимберии. Ледяные стены высасывают из человека магические силы, как стяжатели высасывают жизнь.

– А? – не сразу сообразила я и обернулась.

Замахала руками и тут же отошла от края глубокой ямы, схватилась за пучки ближайшей травы. За спиной и правда был колодец: на несколько метров вглубь уходила скважина, на первый взгляд напоминающая пещеры в Трескимале. На округлых стенах сверкали серебристо-голубые наросты, внизу струился белёсый пар. Солнце отражалось от хрустальных льдинок и играло радужными переливами на острых гранях. Морозная темница посреди душного лета! Невероятно!

Замешательство стоило очень дорого: воспользовавшись моментом, Тильда Лорендин с неожиданной ловкостью пнула меня по голени и навалилась, сталкивая в ледяные недра кристального колодца.

Ощущение свободного падения скрутило нутро животным страхом. Разобьюсь! Переломаю все кости о каменный пол! О боги, пощадите!

Но приземление вышло мягким: я рухнула в ворох свежей соломы, сжимая в руках оборванные соцветия полевых трав. Сухие стебли оцарапали голые плечи, грудь и щёки, но жажда жизни придала сил и рвения. Я завозилась, выплюнула травинки и полезла наверх, выныривая из моря сушеной травы.

– Ах ты, тварь! – заорала я, как только смогла говорить, и задрала голову. Наверху пять тёмных фигур, подсвеченных солнцем, окружили колодец. Шестая сматывала верёвочную лестницу. Деревянные перекладыны, ударяясь о стены, выбивали искры снежинок.

– Прости, Юна, – виновато проговорила Финетта. – Мы не хотели...

– Кроме Юны, в этом никто не виноват, – тут же отозвалась Тильда. – Она сама загнала себя в эту яму. Приятных размышлений, сестра.

Леди Лорендин первой отошла от края и скрылась.

– Ты только что подписала себе смертный приговор! – крикнула я ей вслед. – За то, что ты меня подставила, я выжгу тебе на груди твоё же клеймо. А потом ещё одно – на лбу.

Мелироанские девы разом ахнули и спешно отошли от края. Наверху осталась только одна. Я прищурилась, рассматривая Хломану, что задержалась дольше остальных. Её образ был почти неразличим, но чёрная орхидея на шее выделялась прекрасно.

– Вытащи меня отсюда! – не то попросила, не то приказала я.

– По правилам академии, ты будешь сидеть здесь, пока одна из сестёр не разделит с тобой позор и не подаст лестницу, – невесело сообщила леди Дельская.

В руках она держала верёвочный конец с перекладами.

– Так дай мне лестницу! – потребовала я слишком настойчиво.

Постаралась придать себе уверенный вид и даже подняла уголок губ. Хотя на самом деле моя напористая уверенность уже уступила место потрясению и невольному испугу.

Хломана Дельская посомневалась ещё пару секунд, но услышала оклик и тоже ушла, так и не скинув мне спасительный трос.

– Стой! – я схватилась за покрытую кристаллами стену, и те моментально осыпались крошкой.

Разгорячённая злобой и ошарашенная, я попыталась влезть на стену колодца, хватаясь за выступающие части. Хотелось подняться вверх, как капран по горному склону, но хрупкие наросты разваливались под пальцами, впивались ледяными иглами и оставляли подтаявшие капли.

– Вернитесь! – прокричала я, и голос эхом отразился от стен.

Ответом было молчание.

Частое дыхание драло глотку, изо рта начали вырываться облачка пара. Боевой запал отступал, и тело остывало. Руки и плечи покрылись мурашками.

– Вы не можете меня тут оставить, – уже спокойно проговорила я. – Вы же, икша вас дери, благородные девы!

От досады я пнула туфлей самый крупный кристалл, и он с треском разлетелся на осколки.

Тролье дерьмо! Кряхт, кряхт, кряхт!

Сёстры и в самом деле ушли. Меня, как пленницу, как узницу Зандагата, скинули на ледяное дно колодца и оставили в одиночестве.

Поначалу я не могла поверить в то, что это возможно. А потом почувствовала дрожь.

Идеально круглые стены не просто источали холод. Особая аура этого чудовищного места проникала под кожу и пробирала до костей: колодец и правда высасывал магические силы. Браслеты из ризолита стали ещё холоднее: через несколько минут мне казалось, что я не чувствую рук.

Я ещё раз оценила сверкающие стены на предмет побега. Там, где кристаллы разрушились, в проплешинах виднелся гладкий заиндевевший камень. Никак не взобраться. Скользко и слишком высоко.

Пришлось зарыться поглубже в солому. Я принялась растирать руки и ноги, щипать плечи. Не оставят меня же тут умирать, в самом деле, как изобретательницу этой темницы? Между прочим, легенда о ней похожа на бред. Просто нужно дождаться, когда кто-то решит, что с меня достаточно, и спустит эту злосчастную лестницу.

Минуты ползли раненной улиткой. Я до последнего старалась не поддаваться панике и унынию, но проклятый мороз пробирал до костей. Влажные волосы взялись сосульками, ресницы покрылись инеем, но хуже всего было то, что колодец по капле высасывал из меня плазну. Я теряла силы, а вместе с ними – самообладание. Даже армия Квертинда была милосерднее к изменнице из Ордена Крона, чем мелироанские девы к своей сестре.

Это не сказочные принцессы, а палачи, укутанные в шелка и приличия! А Лаптолина Првленская – свирепая гарпия!

Зубы выстукивали марш поражения.

Время, то подгоняющее меня вперёд, то застывающее вязким студнем, в этот миг обратилось холодом. Он сгустился вокруг и стал почти осязаем. Чудилось, будто стены сомкнулись и ледяные кристаллы впиваются в кожу, режут её острыми краями и колют. Но кровь из ран не течёт, потому что замёрзла в жилах. И мне было больно. О Ревд, как же мне больно! Снаружи, внутри, везде – мороз превращался в боль, а истощение магической памяти стало знаменем всех потерь, что лежали на сердце тяжким грузом.

Сколько я так пролежала? Несколько минут? Часов? Дней? Может, лет?

Я не знала, в какой момент хрустальная темница насытилась слоем спеси и самоуверенности и перешла к глубинным, потаённым кладовым моей души. Ушла гордость, а следом – честь и достоинство, и убеждённость, и даже желание вернуться к друзьям. Вскоре я перестала чувствовать тело, видеть свет, а чуть позже и разум покинул меня. Остался ничтожный комок полусознательного существа, преисполненного жалости к себе и желания выжить.

Как же я устала! Просто смертельно устала, даже не от сегодняшнего дня, а вообще от всего. От борьбы, от вечных сражений, от обид, от чувств и бесчувствия. От самой жизни. Захотелось уснуть, но сон никак не шёл. Обморок тоже. В полубреду я дрожала и слушала стук крови в ушах.

Какая злая насмешка судьбы – замёрзнуть насмерть посреди баторской жары! Где-то наверху подходил к концу день с его блестящими пирожными, дурманящими ароматами, звонким смехом и горячей ванной, что дожидалась меня в покоях.

А я отдавала магию и жизнь за... за что? За глупость? За дикость? За то, что отличалась от других?

Чтобы не свихнуться окончательно, закрыла глаза и постаралась в мельчайших деталях воспроизвести в памяти образ ментора. Нового, иного ментора в его истинном облики. Как и раньше, Кирмос лин де Блайт помогал мне сражаться с судьбой. Он был действительно Чёрным Консулом, от макушки до пят, и даже знак соединения по странному стечению обстоятельств не добавил красок его внешности. Как ярко он выделялся среди пёстрой знати и светлых платьев сестёр!

Я вспомнила, как он тянулся ко мне в тот миг, когда мы оказались близко. Этот факт немного согревал. Мне даже удалось улыбнуться.

Если честно, он мало изменился. Разве что стал ещё привлекательнее. Да, пожалуй, таким он был даже лучше – гармоничным в своей тьме и восхищающим всех, кто только мог дотянуться до него мыслями. Человек, сумевший стать легендой при жизни. *Мой* ментор.

Наша связь вдруг свелась к примитивной, элементарной истине.

Морозные стены, холод в жилах и костях, ледяная корка вокруг сердца, а под ней – жаркое, пылкое чувство. Всё ещё живое. Шепчущее на разные голоса: он любит. Он любит, а значит, придёт за тобой. Только дождись. Только люби в ответ.

Никогда бы не позволила себе таких мыслей и никогда бы в это не поверила, если бы не уменьшилась до размеров собственного сердца, пульсирующего медленно, но ровно. Всё перестало быть важным, кроме этого мерного стука и... ментора. Конечно, ментора. Пока у меня был ментор, я не верила в свою смерть. Я не позволяла себе умереть.

– Я всё ещё дышу, – неуверенно проговорила я, чтобы услышать собственный голос.

Кто-то шаркнул сверху, и я открыла глаза.

Я дрожала и дрожали звёзды в крохотном круге над головой, пока чёрная тень не заслонила их.

Стукнули деревянные перекладки, с хрустом ломая уже вновь выросшие кристаллы, и перед носом закачалась лестница.

Покрасневшие пальцы, едва гнущиеся, ухватились за спасительные ступени. Я поползла наверх. Сознания уже коснулось ледяное безразличие, а тело всё ещё хотело жить и переставляло ноги. Выжить! Наверх!

Я подтянулась, перевалилась через край, упала в тёплую, почти горячую траву и закашлялась так, будто собиралась украсить заросли своими лёгкими.

– У тебя губы синие, – пискнул девичий голос.

Тоненькие руки обняли меня, и леди в долю секунды задрожала вместе со мной. Надо было растереть занемевшие конечности, размять их, но тело не слушалось, а спасительница явно не знала, что делать с живыми мертвецами. Она только обнимала меня и всё шептала: «Прости, прости... Прости, что я так долго. Надо было раньше. Я должна была раньше!»

Когда приступ кашля закончился, я всё-таки смогла сесть и ощупать себя. Как могла, конечно. Кожу покалывало и стягивало.

– Сколько же ты тут пролежала, сестра? – запричитала Талиция. – Какой жестокий обычай! Ты ведь могла умереть! Это... просто пытка!

– Людям нравится насилие, – прохрипела я. – От него хорошо на душе. Это удовольствие.

– Не говори так! – почти разозлилась княжна. – Людям нравятся люди. И человеческое тепло, и доброта. А злые они, только потому что несчастные. Идём, тебе нужна помощь!

Она помогла мне подняться. Хрупкая и тонкая Талиция оказалась удивительно сильной. Я оперлась на её плечи, прикрытые белой накидкой.

– Это моя вина, – сокрушалась юная сестра. – Нужно было найти повод, чтобы уйти раньше. Нужно было вспомнить о тебе и об этом кошмарном колодце. – Я споткнулась, и мы обе едва не рухнули. Княжна ойкнула. – Вместо этого я с консулом лин де Блайтом беззаботно гуляла в Саду Грёз. Он почти в одиночку восстановил то, что ты разрушила. Растил все эти прекрасные цветы и рассказывал мне о детстве, о Квертинде и о традициях...

Мышцы скрутило в тугой канат боли. Я едва не завывала, но прикусила губу. Покосилась на Талицию – в волосах девушки белел цветок магнолии.

– Я так увлеклась его речами, что совсем забыла о наказании сестёр, – она по-детски надула щёки. – Какая же я эгоистка! Я должна была подумать не только о себе, должна была вспомнить! – Глаза её вспыхнули. – Но Кирмос... Он, знаешь, необыкновенный! Я и не представляла раньше, насколько. Дома, в Янтарных палатах, мне рассказывали, что он злой и жестокий кровопийца. А он совсем не такой. Он столько всего умеет! И обожает животных. Ты знала, что у него огромные конюшни? – Она тряхнула волосами. – Ой, ну что же я, конечно, ты знала! Ведь вы с Кирмосом почти родственники!

Моё сердце застучало громче зубов. Имя, которое я так и не смогла произнести, легко слетало с губ Талиции.

Глаза защипало: замёрзшего лица коснулся рассветный луч. Ещё розовое новорожденное солнце поднималось над полями, знаменуя начало нового дня.

Выходит, я провела в хрустальной западне всю ночь. Едва не свихнулась, чудом выжила. Но сейчас вдруг захотелось туда вернуться...

Я вдохнула – рвано, со всхлипами и остановилась перевести дух.

Сколько боли может выдержать человек?

– Он... – голоса было не слышно, и я прочистила горло. – Он был здесь всю ночь? С тобой?

– Прости, прости, прости, – запричитала княжна Веллапольская, на свой лад понимая вопрос. – Он не мог нарушить традиций академии, а я... Я бы хотела прийти раньше, но долг велел мне остаться. Сначала на приеме, потом рядом с консулом. Того требовала ситуация и политика. Это моя обязанность как княжны. – Она тоже всхлипнула и затараторила без остановки: – Умоляю, Юна, прости! Первое впечатление очень важно! Моё представление Кирмосу обязано было пройти идеально. Ты должна понимать, ты же сама... Ой, – девушка поняла, что сказала лишнее, и осеклась. Прикрыла рот ладонью в белой кружевной перчатке и виновато вытаращила глаза.

Но я понимала.

Понимала всё и даже гораздо больше, чем должна была.

Когда-то светом души слепила маленькая Юна. Теперь же отважная маленькая Талиция поделила со мной мой позор, потому что была чиста, справедлива и мечтала нести в мир добро. Она не была мной, нет. Она была лучшей версией меня. И ещё – княжной. Гораздо более приспособленной к жизни рядом с Кирмосом лин де Блайтом. Практически созданной для него. Он был здесь всю ночь, рядом с ней, и это было лучшим решением консула Верховного Совета.

О, я прекрасно это понимала.

А ещё чувствовала.

Стыд за наивное малодушие и женскую слабость. Впервые за всё время мне было холодно настолько, что внутри ощущался не лёд, а жар. То самое горячее сердце, что спасло мне жизнь, сейчас разлилось раскалённой лавой по внутренностям. Пожар ревности и отчаяния выжигал меня изнутри, но не согревал, а опустошал. Как это мучительно, когда в тебе всё ещё остаётся любовь, но сгорает вера в её будущее.

– Ваше сиятельство, – подоспел Жорхе. – Мне запретили помогать вам. Позвольте...

Он легко подхватил меня на руки, почти сняв с несчастной хрупкой княжны.

– Я не сиятельство, Жорхе, – слабостью промямлила я. – Я Юна Горст. И я хочу домой. Пожалуйста, отнеси меня домой...

Рассудок всё-таки помутился. Потому что я просила о несбыточном. Откуда Жорхе Вилейн мог знать, где теперь мой дом, если я и сама не знала?

Стязатель просто отнёс меня в спальню, где служанки уже приготовили постель. Простыни оказались тёплыми, почти горячими, нагретыми раскалёнными бутылками, и от этого жара меня затрясло в лихорадке. Я беспокойно заметалась. В бледных лучах показалось, что мой мокрый от пота лоб трогает не Жорхе, а Каас. Мёртвый друг пришёл проводить меня.

Если шептала воззвания к Девейне, но получалось у неё откровенно плохо. Магия исцеления почти не отзывалась служанке, лишь немного улучшая моё состояние.

– Позову Лаптолину, – коротко бросил стязатель, но я вцепилась в его рукав.

– Вы знаете, где он? – потрескавшимися губами спросила я. – Он придёт ко мне?

Стязатель Вилейн отвёл глаза. Жестом велел служанкам выйти, и те подчинились, оставив нас наедине. Жорхе присел на постель, заботливо поправил одеяло. И сказал:

– Он уехал, госпожа Горст. Просил передать, что ищет способ, как разорвать связь. Мне жаль, Юна.

Я закрыла глаза.

Да, всё верно. Ментор разорвёт связь, и я не буду нужна ни ему, ни Ордену Крона, ни Мелироанской академии, ни лицемерной знати Батора. Я смогу быть собой – Юной Горст. Далеко отсюда. Я просто стану свободным человеком и начну всё заново, как начинала уже не раз.

Именно этого я и хочу. Нужно верить. Он найдёт способ разорвать связь. Он же...

– Кирмос, – сказала я вслух.

Покатала это слово на языке, пробуя его на вкус, представляя перед собой родной образ.

– Кирмос, – повторила снова.

Потом снова. И снова. Так и шептала это рычащее, громкое имя до тех пор, пока окончательно не провалилась в беспамятство.

Глава 3. Постарайся ничего не делать

– *Inflammate Utvie. Eman michi'tum del Deveine!* – звучал голос Сирены из далёкого прошлого.

В бреду, в корчах и приступах хриплого кашля я свернулась клубком на кровати и попыталась отпихнуть чужие руки.

В прохладной комнате покоев, где тоненькие свечи развеивали сумрак, женские фигуры в белом казались призраками. По телу прошла приятная волна магии Девейны, согревая и успокаивая.

– Вот так, – прошептала девушка. – Ещё немного. *Alvioli bulmonos Vitalut. Eman michi'tum del Deveine.*

Зидани Мозьен, светловолосая сестра-целительница, что всегда казалась самой незаметной, смущённо улыбнулась. От её прикосновений дышалось легче, и организм ускоренно побеждал болезнь.

– *Konscimta Menielendo. Eman michi'tum del Deveine,* – прошептала благородная дева и потрогала мой мокрый от пота лоб. – Это заклинание я составила сама. Чтобы ты немного успокоилась.

Магия исцеления работала безотказно. Зидани и правда была выдающейся целительницей, поскольку за несколько минут привела меня в чувство. Даже захотелось пить и есть. Сестра Мозьен сразу же поднесла мне горячего бульона с ароматным, ещё теплым куском хлеба. Я с жадностью накинулась на еду.

– Умница, Зидани, – подала голос Лаптолина. – Можешь быть свободна.

Госпожа Првленская стояла у окна, задумчиво рассматривая сад в розово-фиолетовом цвете вечера. Её длинные пальцы, украшенные тремя сочетающимися друг с другом кольцами, держали край занавеси.

– Слабость от потери магической памяти не пройдёт, – предупредила сестра и виновато закусил губу, кинув взгляд на браслеты из ризолита. Она открыла сумку и достала знакомый мне флакончик. – Лауданум. Придаст бодрости. Это всё, что я могу сделать.

Руки девушки дрожали. Она отводила глаза, суежилась и даже случайно оборвала часть балдахина. За что осыпала меня беспокойными извинениями и ринулась снова лечить. Обхватила белый таль, и тот в ответ вспыхнул, отдавая владелице накопленную магическую память.

– Спасибо, – как можно мягче поблагодарила я. – Зидани, не переживай так. Я не обижаюсь на то, что ты не поделила со мной позор.

Сестра кивнула, задержалась рядом, будто хотела что-то сказать, но её прервала Првленская. Она ещё раз вежливо, но твёрдо прогнала мелироанскую деву. Провожая взглядом тонкую фигурку с пушистым облаком волос, я невольно подметила излишнюю нервозность. В походке, в строгой осанке и сжатых кулаках девушки угадывалась решительность. Она шла так, будто готовилась спрыгнуть в пропасть. Возможно, я ещё недостаточно оправилась от лихорадочного бреда, но что-то в поведении целительницы было не так. Я даже на всякий случай понюхала бульон. Не подсыпала ли она мне яда?

Ароматный суп пах безобидно, и я одним глотком прикончила тарелку, моментально выбросив из головы странности поведения сестры Мозьен. Запила ягодным киселём, с удовольствием прихлупывая. Вот бы сейчас айвового сока!

Госпожа Првленская, краем глаза наблюдавшая за мной, скорчила брезгливую мину.

Я только пожала плечами. Ем как умею. Остаться наедине с Првленской не боялась. Её отповедь вряд ли будет страшнее кристального колодца.

Женщина отошла от окна и, аккуратно расправив светлую юбку, присела на край кровати. Ни один локон не выбился из её причёски, платье не пошло складками, и даже лицемерная улыбка не исказила лицо. Надо мной нависла неподвижная фарфоровая маска, слишком бледная в холодном свете сумерек.

– Позволь, – не спросила, а приказала Лаптолина, забралась под мою сорочку ладонями, и те сразу же загорелись белым свечением.

Уже знакомые волны тепла и удовольствия прокатились по телу, и я оправилась настолько, что даже смогла выдать насмешку.

– Так, значит, вы воспитываете благородных дев? Истязаете, а потом лечите, – я хмыкнула над собственным выводом. – Слышала, такое проделывают с изменниками из Ордена Крона.

– Значит, тебе подходит в самый раз, – не осталась в долгу Лаптолина.

Я откинулась на подушки и отвернулась. Как много она обо мне знает? Интересно, кто ей рассказал? Ментор? Или излишне догадливая Тильда?

– Мы так поступаем только с теми, кто допускает непростительные ошибки, – пояснила женщина и заботливо взбила подо мной подушки. – Кристальный колодец – для самых тяжёлых случаев. Он ускоряет осознание. Стыд и отчаяние, что ты испытала вчера, превратятся в силу, которую ты почувствуешь завтра. Это урок.

– А Тильда Лорендин не тяжелый случай? – я нарочно не смотрела на Првленскую. В поле зрения попала новая корзина из знакомой уже лавки, но карточки-записки среди листьев почему-то не было. – Ей не нужен этот урок? Вы же видели, что она сделала на представлении. Я обязана была отреагировать. Страх заставит их уважать меня.

– Консула лин де Блайта ты тоже хотела напугать? – Я открыла рот, чтобы возразить, но Лаптолина повысила голос и перешла на «вы»: – Даже не смейте жаловаться на то, что я применила силу. Сестра Лорендин получит своё наказание, а вы получили своё. На том языке, который для вас понятен, леди Горст. Я сохранила остатки вашей репутации, как сохраняю и тайну пребывания здесь. Вы находитесь у меня в гостях. Не забывайте об этом. Может, я заслужила нечто большее, чем то презрение, которым вы одариваете меня из раза в раз?

Открытый лоб госпожи Првленской пересекли две морщины. Аристократическая испарина выдавала то, что исцеление далось ей нелегко. Удивительно, ведь Лаптолина просто доделала работу за сестрой. Выходит, госпожа Првленская довольно слабый маг. И действительно потратила много сил... не только на моё исцеление.

– Спасибо, – уже второй раз за вечер выдавила я.

Как будто мне надо было благодарить её за кристальный колодец!

– Не за что, – невозмутимо отозвалась женщина.

Она обмакнула салфетку в расписную фарфоровую чашу и с подчёркнутой заботой принялась обтирать моё лицо. Какая удивительная щедрость палача по отношению к своей жертве! Я никак не могла понять эту противоречивость, таящуюся в её личности: жестокость и забота, лицемерие и искренность так тесно переплетались в речах хозяйки Мелироанской академии, что отличить одно от другого было невозможно. У Лаптолины Првленской для каждого была заготовлена особая интонация. Для слуг – снисходительно-учтивая, для консула Батора – непринуждённая, для сестёр – строгая и в то же время ласковая. Даже возраст женщины определить было невозможно: это была одна из тех особ, которым легко можно дать от двадцати пяти до пятидесяти лет.

Какое-то время я лежала молча, слушая потрескивание свечей, журчание сверчков за окном и позволяя Лаптолине вытирать мне лицо, шею и плечи. В круглое окно то и дело врвался ветерок, вздымая прозрачную занавесь и заставляя подрагивать пламя свечей. Сиреневые сумерки плавно сменялись темнотой. В воздухе висел аромат магнолий и тарокко.

– Давай-ка наденем свежую одежду, – решила Лаптолина. – Эта совсем намочла.

Она встала и помогла мне стянуть платье. Влажная обнажённая кожа тут же покрылась мурашками, и я обхватила себя руками.

После сна и лечения я чувствовала себя гораздо лучше, но, стоило поднять руки вверх, как закружилась голова: опустошённая магическая память так и не восстановилась из-за ризолита и сейчас давала о себе знать слабостью. Лаптолина накинула на меня свежую сорочку. Выбеленная ткань почти хрустела от чистоты и пахла свежестью.

Покончив с переодеванием, госпожа Првленская вытащила из-под ворота мои волосы и ласково улыбнулась. В этот странный миг я почувствовала себя маленькой девочкой, любимой дочерью заботливой родительницы, что не может покинуть своё дитя в болезни. Это было... непривычно и необыкновенно. Что-то тёплое шевельнулось в груди, и я раздражённо заёрзала. Не хватало ещё привязаться к этой женщине!

– Почему у вашей академии нет символа? – спросила я.

Не хотелось говорить о вчерашнем, когда моя вновь обрётённая мать чуть не сгубила меня в ледяной темнице.

– Все символы внутри нас, – мягко ответила женщина. – Чистота. Забота. Нежность и кротость. Жизнелюбие и чуткость. И все прочие качества мелироанской девы, дочери великой правительницы. Мелира Иверийская хотела создать подобных себе: истинных королей жизни, благородных, добрых, со страстностью натуры и желанием созидать. Таких, которые были бы не только примером для всех леди королевства, но и немного правительницами. Она создавала своих помощниц, способных изменить Квертинд и квертиндцев к лучшему. Исцелить их, если угодно.

– Поэтому все сёстры обязаны иметь склонность Девейны? – догадалась я.

Опрокинула флакончик лауданума, неожиданно приправленного мёдом, и глотнула освежающей лимонной воды. Тело согрелось, расслабилось, но запирающие браслеты оставались ледяными. Я размяла плечи и шею, разгоняя кровь, и свесила босые ноги с постели.

– Именно, – Лаптолина тоже воспользовалась тиаем Девейны, как недавно Зидани. – Склонность исцеления придаёт жажду благотворительности и любовь ко всему живому. Наши выпускницы – не просто хорошо воспитанные и талантливые леди. Это ещё и живые символы наследия Иверийской династии, дочери Мелиры. Наравне с дилижансами, больницами, школами, которые она построила, Мелира Иверийская оставила своих продолжательниц, которые будут вечно беречь её заветы. Десятки бывших и нынешних дев помогают во всём королевстве, несут добро и благо квертиндцам, творят красоту. Она на самом деле страшная сила. И в каком-то смысле даже более великая, чем доброта и гуманность. Потому что обладает властью.

– Властью над мужчинами, – хмыкнула я. – Вы просто используете свою привлекательность, чтобы добиваться целей, и прикрываетесь громкими лозунгами.

– Это один из основных инструментов, – не стала отпираться Лаптолина. – Женщины в этом мире до сих пор бесправны. Ты не представляешь, каково было быть леди в Квертинде ещё тридцать лет назад. У нас не было ни имущества, ни права выбора, ни свободы мировоззрения, ничего. Лишь влияние на мужчин. И мы, мелироанские девы, смогли использовать его во благо. Посмотри, чего мы добились. Колоссальных успехов!

– Всё, чего вы добились, я завоевала в академии силой и угрозами, – решительно выдала я. Нашла на тумбе миинх и зацепила его за одну из прядей. Пора было преображаться в себя прежнюю. – Мне не нужна ни ваша красота, ни исцеление, ни соблазнение. Раньше я смеялась в лицо опасности, а теперь сама стала ею!

– Ты занимаешь неверную позицию в диалоге, – цокнула женщина. – Говоришь о себе и ощетиниваешься ежом. Будь хитрее. В твоём положении выгоднее согласиться со мной, чтобы усыпить бдительность, а после – осторожно и деликатно убедить в том, что в твоих принципах тоже есть истина. Но, даже если это и так, глупо пренебрегать всем набором методов добиваться желаемого. Подумай, насколько ты станешь опаснее и сильнее, если никто не заподозрит в тебе

бойца. Женская прелесть и умение вести диалог – тоже оружие. Если ты научишься таить свою силу от других, подобно тем кинжалам, что скрывались за голенищами сапог, вряд ли кто-то сможет спастись от твоего могущества. Но правда в том, что порой тебе даже не придётся его демонстрировать.

– Это и есть ваш урок? – хмыкнула я. – Предлагаете мне соблазнять, лицемерить и притворяться?

– Да, – неожиданно коротко и просто ответила Лаптолина.

Я засмеялась себе под нос:

– Весь мир – театр лжи. А у вас здесь всё состоит из лжи! Даже сама академия, само здание гораздо старше и уродливее, чем кажется на первый взгляд. И всё это прикрыто цветами, тканями, разноцветными стёклами. Иллюзия и обман! Представление!

– Верно, – согласилась Лаптолина, как будто демонстрируя мне только что озвученный ею урок. – Только занавес, как в театре, никогда не закрывается. Ты играешь свою роль сейчас, потом и всегда. Что бы ни случилось, представление должно продолжаться. Держи спину и улыбайся, пока на тебя смотрят. Даже если танцуешь в раскалённых туфлях или мучаешься от кровавой магии. Отныне ты мелироанская благородная дева. Несмотря ни на что, сохраняй спокойствие и достоинство. Только их потеря губительна, остальное не имеет значения.

– Это не достоинство, а только его видимость, – парировала я. – Не думаю, что смогу использовать эту силу. Это всё равно что бить исподтишка, изворачиваться и юлить. Изображать из себя кого-то иного. Кого-то лучшего, чем ты есть на самом деле. Это бесчестно.

– Один человек сказал мне недавно, что всё зависит от терминологии, – Лаптолина склонила аккуратную голову набок и сложила ладони на платье. – Он был бесконечно прав, как и всегда. Поэтому я предпочитаю называть это интеллигентностью. Или воспитанностью. Ты уже пробовала устанавливать свои правила, теперь стоит научиться жить по ним. И не просто жить, а выигрывать по этим правилам. Пока ты только проигрываешь.

Я резко вскинула голову и посмотрела женщине в глаза. Должно быть, госпожа Првленская имела в виду вчерашний случай, но на деле оказалась права гораздо больше, чем предполагала. Я действительно проиграла почти всё, что у меня было. Могла бы я это изменить, если бы вела себя иначе? Смогла бы разгадать план Демиурга и... переиграть его? Или соблазнить? Глупость. Бред.

– Здесь каждый лжёт лучше меня, – процитировала я господина, тряхнула волосами и задумалась вслух: – И если я приму эти правила, что в таком случае будет отличать меня от злодейки и обычной шлюхи, если я буду пользоваться их способами достижения власти?

– Способ распоряжаться ею, – тут же ответила Лаптолина. – Будь достаточно благородна и добра для того, чтобы использовать свою власть во благо квертиндцев. Делай то, что делала Мелира Великая – помогай. Это не сделает тебя легендарной или опасной, но в конечном счёте сделает тебя лучше, без всяких иллюзий и бесчестия.

Я снова глотнула воды, покатила её во рту и с большим трудом протолкнула в горло, рассматривая кружащую возле пламени свечи мошкару. Странная беседа отвлекала и озадачивала, но не давала ответа на главный вопрос, который мучил меня с самого приезда.

– А что мне делать прямо сейчас? – качнула я голыми пятками. – Здесь, в вашей академии?

– Постарайся не делать ничего, – рассмеялась Лаптолина, и смех моментально состарил её лет на десять, но от этого женщина будто ожила. – Не ввязывайся в неприятности. Соответствуй положению мейлори консула и наместника. Играй свою роль.

– Знаете, когда вы говорите о представлении и спектаклях, вы кое-кого мне напоминаете, – от её заразительного смеха я тоже развеселилась.

– Должно быть, исключительно мудрого и тонкого человека?

– О да, – усмехнулась я. – Вы даже не представляете, насколько.

– Твоего ментора? – не удержалась Лаптолина, и усмешка тут же сползла с моих губ.

В комнате совсем стемнело, и наполнение корзины – подарка ментора – рассмотреть было невозможно. Интересно, там есть карточка? Впрочем, сами цветы тоже что-то говорили, но я вряд ли разобралась бы в их языке. Просить помощи у Лаптолины было стыдно.

«Стыдно» вообще прицепилось ко мне, как клеймо, которое начинало саднить, стоило только вспомнить о менторе. Вчерашний позор беспокоил меня куда больше, чем должен был беспокоить боевого мага. Лёгкий укор совести неожиданным образом вытеснил остальные переживания и стал нарицательным моего представления в новом мире. Золотая клетка сомкнулась вокруг королевы-грязнули Юны Горст, выставив её напоказ. Смотрите, благодарная публика, на чумазую и агрессивную зверушку из некогда веллапольского Кроуница!

Я мучительно сглотнула.

Под потолком кружили струйки дыма от свечей, будто продолжение растительного узора, покрывающего светлые стены. Яркие днём рисунки и росписи приобрели в лунном свете зловещий оттенок, а плетёные кресла-качалки, пузатый шкаф и цветочные вазы походили на сказочных чудищ. От тяжёлого, влажного воздуха становилось тошнливо и дурно.

Лаптолина молча ждала моего ответа, но я не стала отвечать на её вопрос и задала свой.

– Почему её не вынесли отсюда? – мрачно кивнула я на корзину.

– Потому что это подарок твоего покровителя. – От этого слова я скривилась, но Првленская сделала вид, что не заметила, и продолжила: – Мелироанские девы должны получать подарки и уметь их принимать. Это часть культуры. Кирмос лин де Блайт знает, что положение обязывает его быть с тобой обходительным. Он тоже играет свою роль так, как подобает человеку высокого происхождения.

– Не напоминайте мне о менторе, – сдалась я. Потёрла паука и надула щёки. – С недавних пор мы чужие люди. Жалею, что всё так сложилось и он до сих пор жив. Если бы я только могла избавиться от звания его мейлори... Или убить его, – голова опустилась сама собой. – Даже не знаю, что из этого невозможнее.

Ночь приобрела привкус откровенности. Или лауданум развязал мне язык. Возможно, мне просто захотелось оправдаться перед Лаптолиной Првленской. В этой академии у меня не было ни одного близкого человека, а она очень вовремя оказалась рядом.

– Как бы то ни было, сейчас ты его мейлори и должна соответствовать. Ведь он консул Верховного Совета, надежда королевства. Единственный, кто сможет спасти Квертинд и сберечь наследие Иверийской династии, – спокойно и ровно проговорила женщина. – И мы будем молиться, чтобы семеро богов дали ему ещё один шанс стать правителем.

– Вы его плохо знаете, – обиженно выплюнула я.

– А ты хорошо? – тут же подхватила Првленская.

Если бы можно было убивать взглядом, она бы погибла в тот же миг. Хорошо, что у меня не было при себе оружия для немедленной расправы над хозяйкой Мелироанской академии, иначе удержаться было бы ещё сложнее. Впрочем, кровавая магия не запырлась и у меня появился шанс узнать, как самая главная из благородных дев улыбается и танцует, корчась от боли...

– Возможно, твоё желание сбудется, – она словно знала, куда бить словами, и нарочно меня провоцировала. – И Кирмос лин де Блайт действительно сможет разорвать связь. Тогда твоя персона не будет иметь никакого значения.

– Думаете, ему удастся? – я закусила губу, моментально забыв о порыве ярости.

Сердце замерло в ожидании, будто от ответа этой женщины что-то зависело. Дыхание стало частым – то ли от опиумного дурмана, то ли от волнения. Я сжала сорочку на груди, хватанула ртом воздуха.

– Мы обе желаем ему в этом успеха, – Лаптолина слегка приподняла светлые брови. Не улыбнулась, не ободрила меня, а вцепилась взглядом. Ждала реакции. Это было новое испытание, но я не позволила ей насладиться результатом.

– Желаем, – голос сорвался, но в остальном я не выдала огорчения.

Встала, прошлась по ковру до одного из кресел. Завернулась в лоскутное одеяло, подобрала ноги. Спряталась от Првленской, давая ей понять, что разговор окончен. И рухнула в какой-то безотчётный страх, как на дно колодца. Тело бросило в ледяной пот, а рука сама собой метнулась к знаку соединения. Пришла мысль, что это испугался ментор, а я почувствовала его эмоцию по связи, иначе объяснить этот внезапный приступ было невозможно. Хорошо, что моё нехитрое убежище прятало меня от Првленской.

– На занятия по исцелению можешь не ходить, – раздалось за спиной. – Я знаю, что твоё тело начало мутировать от магии Толмунда. Это означает, что Девейна не отзовётся тебе. Так что ты первая мелироанская благородная дева без склонности исцеления.

Лаптолина презрительно фыркнула, будто только что сама себя оскорбила. Зашуршала платьем и, судя по звукам, направилась к выходу.

– Госпожа Првленская, – успела окликнуть я женщину, прежде чем она вышла. – Скажите, могу я написать в Кроуниц? Узнать, как дела у моих друзей? Хотя бы не как Юна Горст, а как Сирена Эстель?

– Не думаю, что это возможно, – мягкий отказ стоило воспринимать однозначно, и я сникла. – Лишний риск, неоправданный. Не забывай, ты скрываешься в моей академии и любое, даже крохотное внимание со стороны может пойти во вред. Как я уже сказала, тебе нужно постараться не делать ничего.

Убедившись, что я хорошо её расслышала, Првленская вышла. Осторожно и тихо прикрыла за собой дверь, оставив меня в одиночестве.

Я пару раз качнулась в кресле, но неприятный царапающий осадок от недавнего страха быстро поднял меня на ноги. Спать не хотелось. Лежать – тоже. Я пометалась по пустой комнате белым привидением, по широкой дуге обходя корзину-подарок. Выснулась из окна, подышала южной ночью. Затем снова прошлась по покоям, рассматривая во тьме фигурки фарфоровых птиц на полках, расписные тарелочки, шкатулки. Их тени дрожали на окруживших меня стенах. Плетёный цветочно-лиственный орнамент и впрямь напоминал прутья клетки. Это ужасно раздражало. В просторном помещении стало так тесно, что, казалось, даже воздух закончился. А проклятая корзина цветов так и манила изучить её на предмет наличия карточки.

В нервном порыве я задула все свечи, кроме одной. Скрутила волосы в тугой узел, направила на туалетном столике пару шпилек, чтобы закрепить пучок. Накинула лёгкое платье со шнуровкой спереди, наспех завязала тесёмки, сунула ноги в туфли и вернулась к единственному источнику света. Толстый подсвечник оказался тяжёлым, как я и предполагала. Отлично! Он может пригодиться не только в исследовании замка, но и в случае защиты, если таковая потребуется. В конце концов, я всё же в академии, а не в тюрьме. Могу я перемещаться хотя бы по её территории?

Настала пора это выяснить.

За дверью оказалось пусто. Првленская уже ушла, служанки, должно быть, давно спали, как, наверное, и Жорхе Вилейн, обычно неотлучным стражем дежуривший у моих покоев. Я глубоко вдохнула и досчитала до десяти, как учил Демиург. Ничего интересного за это время не произошло. Ночные коридоры академии оставались такими же пустыми и тихими. Как раз то, что нужно для одинокой прогулки.

Ноги мягко шагали по лестнице: округлые, как в пещере, выкрашенные в голубой цвет ступени то уходили вниз, то поднимались вверх. Пол здесь был волнообразным, и каждая встречающая дверь находилась на новом уровне. Одинокая свеча в руке вскоре погасла, но она была и не нужна, потому что вдоль стен горели раздвоенные канделябры с каплями из разно-

цветного стекла. Если тронуть их, свет заиграет радужными переливами по стенам, как магия Мэндэля на вывесках Тифоньего бульвара.

Блуждала я недолго. Быстро сориентировавшись в коридорах, я спускалась всё ниже и ниже, уже предвкушая выход. По дороге встретилось ещё одно дерево, только на этот раз не живое, а нарисованное на выбеленной стене. Кора и ветки выглядели так натурально, что я даже потрогала изображение: уж не врос ли настоящий ствол в стену? Но это был плоский рисунок, правда, с особенностью: вместо плодов на раскидистых ветках покачивались хрустальные шары, заполненные водой наподобие тиаля Вейна. Хломана Дельская наверняка знала, в каком году и кем было создано это произведение искусства. Возможно, художницу казнили так же, как ту девушку, что построила кристальный колодец. Я бы не удивилась. Потрогала пальцем прозрачные шары – нет ли в них магии? Магии не ощущалось, и я разочарованно двинулась дальше, рассматривая интерьер. Картины на стенах, резной карниз под потолком, даже перила – всё было выполнено творцами. Мелироанская академия являлась произведением искусства, средоточием магии красоты и плодом многолетнего труда. Плавные линии, все оттенки голубого и синего, игра света создавали ощущение подводного замка морской владычицы.

Я бы могла бродить здесь всю ночь, но неожиданно уткнулась в замок на запертой двери. Обычной тяжелой двери с перекладинами и ручкой-кольцом. Коридор закончился, и я попала в тупик. Что ж, теперь хотя бы ясны границы моей клетки. Я поправила запутавшиеся юбки и уже хотела повернуть назад, но по близкому шелесту веток и жужжанию насекомых поняла, что за дверью – сад.

Взгляд сам собой упал на замок.

«Юна, у тебя есть шпилька?» – прозвучал в голове голос Куиджи.

Я хмыкнула. Тогда шпильки не было, но теперь – была.

Торопливым движением поставила подсвечник на пол, выдернула шпильку из причёски и сунула её в замочную скважину. Поелозила острым концом, рассчитывая быстро справиться с преградой, но на деле это оказалась непросто. Взломщик из меня вышел никудышный. Высунув кончик языка и сосредоточившись на процессе, я присела напротив замка и принялась с удвоенным усердием трудиться над вскрытием. Так увлеклась, что не слышала шагов за спиной.

– Семеро богов в помощь, – раздался глухой голос.

В первый момент я застыла. А когда резко развернулась – едва не швырнула мгновенно оказавшимся в руке подсвечником в монстра, что стоял посреди коридора. Страшное создание, сгорбленное, перекошенное, с прилипшими ко лбу волосами уставилось на меня так же пристально, как и я на него. Болезненное уродство существа резко контрастировало с подчеркнутой прелестью интерьера. Отекшие ноги, одна рука короче другой, а голова растёт как будто не из плеч, а прямо из груди. Безобразное тело с огромным горбом прикрывала мешкообразная ткань в мелкий цветочек, ярко-розовый шнур служил поясом и трижды обматывался вокруг тела. Картину довершали связки ключей, нанизанные в строгом порядке. Лицо скрывалось под маской с длинным клювом и стёклами-окулярами, но глаза – чистые и светлые, как кусок льда, смотрели ласково.

Не делая резких движений, я медленно поставила подсвечник и подняла руки. Прижалась спиной к двери, готовая к защите. Первый порыв паники схлынул, и я рассудила, что если бы существо хотело напасть, оно бы сделало это в тот момент, когда жертва была занята взломом. Ниточка здравого смысла потянула за собой логическую цепочку: я пыталась вскрыть замок, что привело к появлению ключника. Как в тот раз, в штабе банды, когда я впервые увидела статую Крона. Ну конечно! Стоило вспомнить об этом случае до того, как я бросилась вскрывать запертую дверь!

А теперь я загнана в тупик и поймана за мелким преступлением. Вряд ли за это грозил кристальный колодец, но строгий выговор от Лаптолины – вполне.

Тролле дерьмо!

– Доброй ночи, – как можно мягче поздоровалась я в надежде на переговоры. – Вы, должно быть, ключник?

– Ключница, – поправило существо. – Лаптолина Првленская не принимает на работу мужчин.

Я растерянно улыбнулась. Мелькнула мысль, что убивать гораздо проще, чем вести переговоры. Но я не поддалась.

– Меня зовут Юна Горст, – представилась я. – Я новая мелироанская дева. Мне не спалось, и я решила осмотреться...

– Я знаю вас, – по-доброму отозвалась женщина. – Как и всех остальных обитателей.

В отличие от ключника Кроуницкого замка, ключница Мелироанской академии казалась не просто прислугой, а частью здания: её чудовищное, режущее глаз уродство, сокрытое от посетителей, символизировало душу этого места. Я нашла это удивительно забавным и даже тихонько захихикала себе под нос.

– Значит, вы можете открыть дверь? – скорее для поддержания разговора спросила я.

Просто выигрывала время для размышлений. Интересно, она поверит в то, что мне стало душно и захотелось проветриться? Ведь леди часто прикидываются глуповатыми и больными, чтобы добиться своих целей. Сирена Эстель делала именно так. Я теперь формально была ею, так что план переговоров казался не таким уж плохим.

– Могу, – согласилась ключница. – Прикажете открыть?

– Я? – пискнула я и посторонилась, косясь на пострадавший от моей шпильки замок: – Да, приказываю. Открывайте!

Хромая и бряцая связками, женщина проковыляла мимо и трясущимися руками подобрала к замку ключ из десятка похожих друг на друга отмычек. Легко толкнула дверь, и оттуда потянуло ароматами сада и тёплым ночным воздухом.

Я снова остолбенела. От удивления рот раскрылся сам собой, а голова склонилась набок. Неужели я могу вот так просто выйти и меня никто не остановит? Невозможно! Здесь точно есть какой-то подвох.

– Разве вы слушаетесь не только хозяйку замка? – боком двинулась я к выходу.

Любопытство подгоняло не хуже привычной ярости. Всё ещё ошарашенная и готовая к драке, нападению или ловушке, я протискивалась вдоль стены к открытой двери, не сводя глаз с ключницы. Ожидая от неё чего угодно: резкого выпада, магии или насмешки. Нельзя расслабляться и доверять чужому, случайному человеку, даже если он вызывает доверие гораздо больше, чем все вокруг.

– Госпожа Првленская приказала мне открывать двери по вашему желанию, – слегка поклонилась хранительница ключей, когда я оказалась рядом.

Глухой голос из-под клюва звучал беззлобно. Перекошенное тело и страшная маска больше не пугали. К тому же при ближайшем рассмотрении одежда служительницы сияла чистотой, а от неё самой пахло не гнилью и сыростью, а дешёвым щёлоком. В некотором смысле ключница была даже привлекательна. Я остановилась напротив, не торопясь выходить за дверь.

– Почему? – прямо спросила я, пытаюсь разглядеть ответ в круглых прорезях маски.

– Она надеется, что вы сбежите, – так же честно ответила женщина.

Вот оно что. Я усмехнулась. Ещё одна проверка. Вызов для Юны Горст, который она непременно примет.

– Мудро с её стороны, – бросила я.

И, конечно, воспользовалась моментом, чтобы удрать. Подгоняемая протестом, юркнула в проём и очутилась под усыпанным мелкими звёздами небом. Бескрайнее и удивительно чёрное, оно простиралось над головой до самого горизонта и подмигивало слабым мерцанием. Вокруг не было ни забора, ни ограды, ни фонтанов, ни ваз или вертикальных клумб – только

небо, цветочные поля и одинокая дорога. Я задохнулась от внезапного простора, от бесконечного неба и бескрайнего поля, от осознания того, что от этого раздолья меня отделяла одна-единственная дверь. Должно быть, она служила чёрным ходом и вела сразу за территорию.

Сердце радостно затрепетало. Свобода! Магнолии и орешники тянули ко мне лапы, цикады пели свои песни, а светлячки мелькали в тёмной зелени растений. Жёлтые светящиеся точки облепили траву и листья, делая их похожими на страницы персонажвира, а окружение – на сказочный лес. Где-то далеко шумел океан, и сюда доносились солёные порывы с его песочных берегов.

Я глубоко вдохнула и зажмурилась. Подставила лицо тёплому ветру. Развела руки в стороны, наслаждаясь ощущением. Боги, как же хорошо! Свобода! Вот же она, рядом. Только сделай шаг – и иди куда пожелаешь. Хотя дорога всего одна...

От пьянящего чувства отрезвил холод ризолита. Волоски на руках встали дыбом, а кожа покрылась мурашками от простого осознания: я не могу уйти. Истина в том, что я стояла одна в чистом поле, в домашних туфлях и наспех надетом платье. Одинокая девушка в ночи. Не мелироанская дева, не боевой маг и даже не студентка. Куда мне бежать? И как? Без денег, без оружия, без магии. Зато с неизменным чёрным пауком, который выдаст меня за версту.

Эйфория схлынула, как приливная волна. Реальность ссутулила плечи, отчего я стала похожа на ключницу этого замка. Или на узницу. Только клетка моя находилась внутри. И имя ей было Кирмос лин де Блайт.

Глаза всмотрелись в густую тьму южной ночи. Она отлично отражала мою персональную тьму. Нет, не мою. Его тьму, которую он щедрой рукой отсыпал для своей мейлори. И теперь сам жил в моём сердце, под кожей – той самой тьмой, или клеткой, или тяжким бременем. Или надеждой, горячим азартом и желанием всегда побеждать. Всё, из чего состоял ментор чёрного паука, было и моим тоже. Он не просто научил меня всему, он меня сотворил. Сотворил свою мейлори.

Я сжала кулаки.

В Кроунице никто не сомневался, что я достойна ментора. Здесь же... все ему сочувствовали. Не знаю, почему, но мне вдруг захотелось доказать им, что они ошибаются. Будто я сама нуждалась в доказательствах.

А ещё я не могла предать ментора. Не могла ему навредить или подставить под удар своим побегом.

Ведь я была *его* мейлори.

Всё ещё.

Подобрав запутавшиеся в дикой траве юбки, я поплелась обратно, на ходу убеждая себя, что просто момент для побега неподходящий. Что мне нужно подготовиться, накопить денег, вернуть оружие. Снова стать самой собой. Той самой Юной Горст, для которой нет преград и для которой не важно чужое мнение. Возможно, когда на шее у меня не будет чёрного паука, всё изменится.

Из-под ног юркнула в заросли маленькая ящерка, выпрыгнули насекомые и взметнулись спящие бабочки. Я замахала руками и едва не упала, оборвала подол платья о торчащую сухую ветку. Сдула прядь со лба и нашарила потерянную туфлю.

Толмундово пекло этот Батор!

Да чтоб вас всех тут икша сожрали!

Когда я вернулась в Мелироанскую академию благородных дев, внутри меня встретила ключница, почти на том же месте, где я её оставила. Женщина сидела на покато́й голубой ступени, подперев голову ладонью.

Я села рядом.

В груди бушевало море похлеще Мариисского: злость, жажда немедленных решений, обида, тоска по ментору и разочарование в самой себе. Планы побега и мести то и дело вытесняли хаотичный поток эмоций.

Но я сделала то, что велела мне Лаптолина Првленская.

Ничего.

– Чувствуете величие момента? – глухо спросила моя нечаянная соседка по размышлениям. – Кажется, это первая победа леди Горст над собой. Вы не убежали.

– Далеко не первая, – хмыкнула я и закрыла лицо руками.

Когда-то чудилось, что Чёрный Консул следит за мной. Вот бы сейчас он и правда следил... Так хотелось ощутить его присутствие. Знать, что он рядом. Что это просто его жестокие уроки и в самый трудный момент ментор вмешается и скажет, как жить дальше. Вот бы вернуться в прошлое...

– Почему вы вышли без бархотки? – снова заговорила ключница. – Вы обязаны носить её всегда вне комнаты, чтобы прикрывать знак соединения. В академии бывают гости. Редко, но всё же, – она звякнула связкой металла. – А ваша бархотка особенная. Красивое украшение.

Я втянула воздух сквозь пальцы, посчитала вдохи. Вроде помогло. Мне хотелось покинуть Мелироанскую академию, но я не знала, как это сделать будучи мейлори чёрного паука. Кряхт! Я стала размазнёй и нытиком. Кажется, сама аура этого местечка влияла на мой характер.

– Ненавижу ошейник, – буркнула я угрюмо.

Почему меня вообще до сих пор волнует благополучие и мнение ментора? Разве это нормально? Ведь всё кончено. Кончено!

– Вам не нравятся украшения, леди? – не отставала собеседница.

– А? – очнулась я от своих мыслей и ответила уже осознанно: – Нет, не в этом дело. Просто долгое время моими украшениями были только синяки да порезы. Бархотка... она для леди, как вы заметили. А я не леди.

– Так станьте ею.

– Всё не так просто, – грустно усмехнулась я.

– Проще некуда, – заспорила ключница. – Из меня плохой наставник, но могу посоветовать хорошего.

Она помолчала, будто отдыхая от сказанных фраз. Её крупные, опухшие от тяжёлой работы руки мелко дрожали на коленях.

– Лаптолину Првленскую? – понимающе ухмыльнулась я.

– Нет, – мотнула клювом женщина в маске. – Смерть.

– Смерть?

– Да. Она – единственный верный советчик, который у вас есть, – ключница кашлянула и вытерла ладони о подол. – Каждый раз, когда вы чувствуете, что всё складывается плохо и вы на грани краха, повернитесь влево и спросите у своей смерти, так ли это. Сейчас можете спросить у меня. И я скажу вам: нет ни одной преграды для того, чтобы вам стать леди.

Я взглянула на страшную женщину по-новому. И устыдилась. По её словам выходило, что у меня всё замечательно. Ещё большую неловкость придавало то, что она была живым свидетельством моего везения. Я действительно была жива и... здорова. В отличие от той, что сидела рядом.

– Как вас зовут? – спросила я, заинтересовавшись.

– Ключнику нельзя называть своего имени, пока он служит замку, – женщина поправила маску. Дышала она тяжело, надсадно и всё больше мокла от пота. – Мы приносим обет Девейны хранить тайны хозяев и слушаться их приказов до тех пор, пока живём в стенах их владений.

– Ну да, точно, – стукнула я себя по лбу.

Даже у ключницы в этом замке есть склонность богини исцеления. Захотелось снова пожалеть себя, но рядом с хрипящим, изуродованным существом получалось откровенно плохо. Я похлопала по спине женщины, когда та закашлялась, и спросила:

– Вы больны?

– И весьма серьёзно, – без всякой иронии отозвалась ключница. – К сожалению, мой верный советчик каждый день напоминает, что времени осталось немного. Даже магия Девейны бывает бессильна против некоторых недугов. Моя кровь гниёт изнутри, и остановить это никто не в силах. Даже богиня жизни.

– Значит, это может сделать бог смерти, – логично рассудила я, услышав о крови. – Магия Толмунда улучшит ваше здоровье и поможет справиться с заболеванием.

– Это незаконно, – напомнила женщина и брякнула связками ключей на пояс. – Болезнь сможет вылечить только человеческая жертва, – уверенность в её голосе не оставляла сомнений в том, что она знает, о чём говорит. – Я не считаю, что моя жизнь стоит любой другой. Вообще-то она мало чего стоит, если по правде. И угаснет со дня на день. Лаптолине придётся искать новую ключницу. Я буду скучать по ней и моим девочкам.

– Мне жаль, – выдавила я.

Что ещё можно было сказать? От короткого разговора стало неудобно. Присутствие умиряющего в близком окружении как-то одновременно и угнетает, и придает сил.

– Мне тоже, – кивнула ключница. – Но не себя, а мелироанских дев. Жаль оставлять их одних в этом мире. Сколько себя помню, я защищала тех, кому предстоит стать дочерьми Мелиры. Ведь неизвестно, кто придёт мне на смену. У девочек слишком много тайн...

Это был странный смысл жизни. Мне трудно было понять такую заботу о чужих людях и чужих тайнах. Кажется, ключница относилась к своим обязанностям даже ретивее рудвика. Но такой смысл был точно лучше, чем его отсутствие.

– Знаете, – решила я поделиться откровением, – подозреваю, что к прочим тайнам я добавила ещё одну, которой сёстры не рады. Конечно, не рады. Ведь их заставили принести обет Девейны. Поэтому они меня недолюбливают. Там, откуда я приехала, принуждение к обету Девейны являлось унижением.

Перед глазами возникли стены родной академии в Кроунице, кудри Сирены и происки Ракель. Толмунд! Даже по Ракель я сейчас скучала.

– Дело в другом, – поддержала ключница. – Каждая из мелироанских дев сражалась за место в этой академии. За право называться её выпускницей, за возможность стать лучшей из женщин Квертинда. На каждое из семи мест больше сотни претенденток! – она подняла палец вверх. – И только лучшие получают шанс оказаться в этом замке, – отёкшие ладони разгладили подол одежды. – Я хорошо знаю девочек и нежно люблю их всех. Они чудесные. Они – спасение. И это правда, что они вас недолюбливают. Но не из-за обета Девейны, а потому что вы получили их достижение просто по праву мейлори чёрного паука. Ещё и пренебрегаете их мечтой, как комком грязи.

Я скинула туфли. Прохладный пол тут же охладил ступни, а порывы сквозняка из приоткрытой двери трепали выбившиеся из причёски пряди.

– Я и сама не рада здесь оказаться, – тихо проговорила я. – Но нам всем придётся с этим смириться и научиться сотрудничать.

– Таково ваше решение? – глаза в круглых прорезях улыбались. – Стать одной из мелироанских дев?

– Пожалуй, – неохотно согласилась я, улыбаясь в ответ. – Но Тильда Лорендин получит по заслугам. Я придумаю такую месть, что даже госпожа Првленская будет гордиться мной.

Ключница хотела что-то ответить, но вдруг подхватила, довольно резво для больной вскочила на ноги и прикрикнула:

– А ну, брысь отсюда!

В приоткрытую дверь заглядывала любопытная морда Мотылька. Пятнистая кошка фыркнула, когда свечной дым попал ей в нос, и замотала головой.

– Как ты только выбралась за ограду, паршивка? – женщина потрепала её по холке. – Идём, отведу тебя во двор.

Ключница оживилась, поглаживая Мотылька по голове, а та в ответ игриво прыгала и тёрлась о ноги. Картина вышла до того умильной, что у меня потеплело на сердце.

– Ну же, идём, – приказала женщина и вышла прочь.

Леопард охотно потрусил следом за ней, помахивая толстым хвостом. Прощаться ключница не стала. Исчезла так же внезапно, как и появилась.

Зазвенели ключи, запирая меня в академии.

Вздыхнув, я подобрала туфли и поплелась в свою комнату прямо босиком. Пол источал лёгкое тепло – здание не успевало полностью остыть за ночь.

Оказалось, что не делать ничего – не такая уж простая задача для Юны Горст. Два года я только и училась, что принимать решения и действовать, а тут вдруг бег времени резко остановился, будто наткнувшись на одиноко стоящий замок Мелироанской академии. Кажется, я тут застряла надолго. Интересно, далеко ли расположен сам Мелироан? Одна из сестёр говорила, что мне там понравится...

Нога угодила во что-то мокрое, тёмное и скользкое. Я резко остановилась, прислушиваясь к ощущениям и пытаясь в темноте рассмотреть странную струйку, что текла из-за угла. Похоже на кровь. Я наклонилась, окунула два пальца в странную набухающую лужу. Поднесла руку к носу. Кровь! Свежая, ещё тёплая.

Моментально подобравшись от макушки до пяток, я осторожно обошла декоративный столик и выглянула в боковой коридор.

На одной из стен на гобеленном карнизе висела девушка. В полутьме я не разобрала, кто именно, но успела сообразить, что это не очередное произведение искусства и не странная композиция. Это реальный человек! Кровь ведь была самая настоящая. Или мне показалось?

Я ошалело двинулась к распятому телу, от которого тонкой струйкой вдоль наклонного пола стекала алая жидкость. Девушку подвесили невысоко – её ноги почти касались пола, но зато руки были распростёрты и крепко привязаны вдоль карниза, словно несчастная хотела заключить кого-то в объятия. Голова её безвольно свесилась.

– Тильда? – узнала я, приблизившись.

Сестра Лорендин не двигалась. На её животе алело огромное растёкшееся пятно, а на лбу и на груди краснели её же собственные печати позора. Свинья, рассмотрела я. На клейме была изображена свинья.

– Тильда! – крикнула я.

Отбросила туфли и похлопала девушку по щекам, ничего не соображая от шока.

– Очнись!

Ладони обхватили голову Тильды, чтобы приподнять её и заглянуть в глаза.

– Сест... – попыталась отозваться она, но окончание слова утонуло в хрипящем хлюпанье. – Не убив... Нет... Нет! Не хоч...

Хлюп. Хрип и стон.

Девушка бредила. В уголках её рта собралась кровавая пена.

Я попыталась развязать узлы на верёвках, удерживающих её запястья. Руки дрожали, и с первого раза не вышло. Под весом девушки шнуры туго натягивались, что усложняло задачу. Вот бы их просто перерезать! Как жаль, что у меня с собой нет Кааса.

– Потерпи, – приказала я и снова принялась мучить узлы. – Всё будет хорошо, ты же в академии исцеления! Вот увидишь, тебя вылечат!

– Не, – захныкала Тильда. – Не хо...

За спиной раздался пронзительный и протяжный детский визг. Я резко обернулась. Верещала маленькая девочка, неизвестно как оказавшаяся в этих коридорах. На её крик тут же бежали другие воспитанницы. Следом появились их наставницы и служанки, кутаясь в шали и прикрывая рты ладонями. Зацокали когтями по полу рудвики, и писклявое «лу-ли!» вменялось в тревожные вопли.

– Помогите! – попросила я.

Никто не двинулся с места.

– Скорее! – уже приказала я и шагнула к ближайшей женщине с сеточкой на волосах. – Подержите её, пока я развяжу узлы!

Леди с диким вскриком шарахнулась прочь, будто у меня в руках было оружие или к ладоням льнул туман Толмунда.

– Она её убила, – донесся до меня потрясенный голос какой-то из служанок.

– Убийца в Мелироанской академии...

– Дикий зверь, жестокое чудовище!

– Нам всем грозит опасность!

– О Девейна, спаси!

– Это не я! – выставила я руки перед собой.

Они, как назло, оказались в крови.

– Тише! – прикрикнула я, пытаясь успокоить нарастающий гомон.

Со всех сторон меня окружали испуганные женские лица, и в какой-то момент я едва не поддалась порыву раскидать их и броситься прочь. Усилием воли заставила себя не двигаться. Если я сейчас сбегу, сделаю только хуже.

– Я её не убивала, – проговорила я терпеливо. – Она жива, помогите её снять!

Шаг – и женская толпа с визгом отбежала от меня, будто я источала ауру смерти.

– Это сделала не я! – заявила как можно громче, перекрикивая шаги, шорох тканей, всхлипы и разговоры.

По взглядам поняла, что мне никто не верит. Взрослые и дети смотрели с ужасом, с ненавистью и с изумлением. Обитатели академии находились в состоянии шока. Когда же появилась Лаптолина Првленская, меня были готовы подвесить к Тильде за преступление, которое я не совершала.

Хозяйка Мелироанской академии выросла в пол в десяти шагах от меня и побелела, точно привидение замка. За её спиной возник Жорхе, тяжело дышащий, в дорожной пыли. Он-то и подошёл ко мне первым, заслонив тело Тильды от шокированных зрителей.

– Снимите девушку, – бросил стязатель бойцам, что пришли вместе с ним, и обратился к Лаптолине: – Госпожа Првленская, нужно разобраться в ситуации. Я уверен, что леди Горст не стала бы нападать на сестру из-за мелкого разногласия.

– Мы слышали, как она обещала поставить ей две печати, – раздалось слева. – На лоб и на грудь. Там, у кристального колодца.

Стязатель Вилейн метнул в Хломану Дельскую внимательный взгляд, и та сжалась в комок, кутаясь в тонкий халат. За её спиной стояла Зидани Мозьен. Тихая целительница позеленела от кровавого зрелища.

– Всем немедленно разойтись по комнатам, – пришла в себя Лаптолина Првленская. – Запереться в покоях и не выходить до завтрака! Шевелитесь! – совершенно некультурно подгоняла хозяйка академии. – Леди Ветли, уведите детей. Немедленно позовите мелироанских дев и магистра Малести, сестре Лорендин нужна сила всех целителей академии!

Растерянная суэта приобрела некоторую упорядоченность. По коридору заматались служанки. В отличие от меня, стязатели быстро справились со снятием Тильды с распятия, и над девушкой уже вспыхивала белая магия Девейны.

– Жорхе, – кинулась я к единственному человеку, способному меня услышать. – Клянусь, это сделала не я! Даже если бы я хотела её проучить, никогда бы не...

– Это не важно, – перебил меня Вилейн. – Именно тебя застали на месте преступления с кровью на руках. И ты даже не визжала и не звала на помощь, как истинная леди.

– Я не... – в горле пересохло, и я нервно сглотнула, осознавая весь ужас ситуации. – Да. Не визжала.

– Боюсь, нам придётся найти виновного. И как можно скорее, – стязатель отвернулся, осторожно взял меня за локоть и увлёк за собой. Я покорно засеменила рядом. – Иначе тебя без сомнений обвинят в нападении на Тильду Лорендин. Вся баторская знать слышала твои угрозы в её адрес. Скрыть этот случай не удастся. Консул лин де Блайт будет в ярости.

Мы свернули за угол.

– Толмунд, – выругалась я, припоминая вчерашнее. – Троллье дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

В неистовстве я остановилась и врезала кулаком по стене, разбивая костяшки пальцев. Стязатель Вилейн стиснул зубы. Он был со мной согласен.

От будущих перспектив сводило живот и немели руки. Ещё десять минут назад я отказалась от побега, чтобы не доставить ментору новых проблем. И вот теперь меня обвиняли в истязании проклятой Лорендин, которая, даже истекая кровью, умудрилась меня подставить.

О боги, за что?!

За что вы караете меня даже тогда, когда я пытаюсь ничего не делать? Что может быть хуже?

Ответ появился из-за угла в виде госпожи Првленской.

Пряча сухие глаза и едва удерживаясь на ногах, Лаптолина заявила:

– Тильда Лорендин умерла. Нападение на мелироанскую деву закончилось убийством.

Глава 4. Время пришло

Мы приехали в Мелироан ранним утром.

Город располагался в двадцати минутах езды от академии, недалеко от той самой плавающей деревни, где добывали жемчуг. В крохотном дилижансе было тесно: по обе стороны от меня сидели тюремщики – Лаптолина Првленская и Жорхе Вилейн. Видимо, они боялись, что я выпрыгну на ходу и сбегу. Напрасно. Браслеты из ризолита всё ещё были на мне, так что побег откладывался.

Из-за такого соседства и задвинутых штор рассмотреть улицы Мелироана не удалось. Зато удалось выяснить, зачем меня спешно запихнули в дилижанс, едва ночные события утихли.

– По закону вас необходимо немедленно поместить в темницу, как убийцу леди Лорендин, – Жорхе поправил чёрную маску, прикрывающую лицо. – Вряд ли городские стражи стали бы заниматься вашим делом при столь однозначных уликах. Но вы – мейлори Кирмоса лин де Блайта. Увы, это не снимает подозрений, но даёт нам возможность выиграть время для расследования.

– Я её не убивала, – повторила я то, что уже рассказывала им обоим. – Я нашла Тильду в таком виде, а до этого момента мило беседовала с ключницей у чёрного хода академии.

– С ключницей! – невесело фыркнула Лаптолина. – Будто это что-то меняет!

– Более бесполезного свидетеля вряд ли можно найти, – пояснил стязатель Вилейн. – Ключница обязана хранить тайны замка, какими бы чудовищными они ни были. Обет Девейны не позволяет ей раскрывать секреты. Так что никто не станет её допрашивать, потому что она не станет отвечать.

Я сдула прядь со лба и оттянула ошейник. Удивительная неприкосновенность! Может, ключница сама и убила Тильду? Отчего-то подробности злосчастной ночи я помнила смутно, словно всё происходило в дурмане. Впрочем, так оно и было: спутанность сознания можно было списать на действие лауданума.

– Консул Батор – единственный, кто может дать отсрочку вашему заключению и позволить нам расследовать дело, – Лаптолина отодвинула штору, впустив полоску света, но тут же резко вернула занавес на место. – Осталось убедить его в том, что это необходимо.

Я сникла. Скверно. Ещё пару дней назад консул Батор говорил, что меня нужно немедленно изолировать от приличного общества, а теперь я собиралась предстать перед ним с просьбой о том, чтобы он этого не сделал. Каковы шансы на успех? Зачем я вообще к нему еду?

Дилижанс со скрипом остановился. Внутренности скрутило в тугой канат, будто меня привезли не к консульству, а сразу в Зандагат.

– Реверанс, почтение и молчание, – напомнила Лаптолина, когда мы вышли на узкую пурпурную улочку. – Три простые вещи, которые под силу даже обезьяне. Если ты ещё не поняла, сейчас не то время, когда можно действовать наперекор. От консула Батора зависит твоё будущее. – Она цокнула и добавила: – Леди Горст, выпрямите спину! Дочери Мелиры даже на эшафоте ведут себя достойно, а вы ещё даже не в заключении.

С этим заявлением можно было поспорить, но спину я покорно выпрямила. И задрала подбородок на манер самой Првленской. Впервые за всю свою жизнь я испытывала должный трепет перед консулом Верховного Совета. Прошлая похожая встреча не принесла мне ничего хорошего, а сейчас положение было намного серьёзнее. Куда я отправлюсь из этого консульства? В Зандагат? Или в какую-нибудь местную тюрьму наподобие Кедровок?

Десятки вопросов – и ни одного ответа.

– Пока вина не доказана, нет поводов для беспокойства, – поспешил успокоить Жорхе Вилейн, но Лаптолина на его заверения закатила глаза.

Кажется, в успех затеи она тоже верила слабо.

Я затравленно кивнула и спрятала глаза под полями небольшой шляпки. Да, я впервые надела шляпку, как и было велено. Во время коротких сборов выполнила все указания госпожи Првленской с особой тщательностью: позволила уложить волосы, нацепила головной убор и ошейник, надела перчатки и даже ту самую сорти де баль – белую накидку мелироанских дев. Я надеялась, что покорность и невинный внешний вид помогут мне выглядеть... безобиднее.

Если уж решилась действовать по правилам, нужно идти до конца.

В блеске стеклянной витрины книжной лавочки, что соседствовала с консульством, я уловила своё отражение. Ни дать ни взять благородная леди из знатной семьи. Стоило целый год сражаться с Иверийским Квертиндом, чтобы в эту минуту всей душой пытаться ему услужить?

– Сюда, ваше сиятельство, – открыл передо мной двери главного здания стязатель Вилейн.

Ещё двое, что приехали за нами верхом, встали по обе стороны от входа.

В консульство мы вошли втроём.

Я ожидала увидеть охранную арку, но вместо привычного коридора мелироанское отделение встретило нас шумным помещением, столпотворением народа и скрипом перьев. Знакомой арки здесь не было, и это показалось мне плохим знаком. Я ещё сильнее занервничала. Завертела головой, надеясь увидеть каменный свод, но, на свою беду, нашла только радостное воодушевление толпы. На меня смотрели все, едва ли не тыча пальцами. Посетители и работники в бордовых одеждах отвлекались от своих занятий и рассеянно улыбались при виде мелироанской девы. Но Жорхе Вилейн, закрывающий меня собой, снижал уровень заинтересованности: при виде стязателя люди сторонились и прятались. Взгляды кидали лишь украдкой, чтобы не привлекать к себе внимание кровавого мага.

Мы ускорили шаг.

За приёмной оказались пустые светлые помещения с горшками для деревьев и кадучками цветов. Солнце пронзало стены насквозь: подобранные лентами бордовые занавеси открывали высокие панорамные окна. Настоящий зимний сад! Заметить дверь в этих кущах Девейны можно было только по охранникам из городских: двое парней в полосатой форме вытянулись в струнку при нашем приближении.

– Господин Вилейн, я бы предпочла, чтобы вы предоставили мне этот диалог, – шепнула Лаптолина, остановившись у дверей кабинета. – У нас с консулом Батором давняя дружба. К тому же я могу дать ему то, что желает каждый мужчина.

Жорхе не стал спорить, но вопросительно приподнял бровь.

– Чувство собственного величия и значимости, конечно же, – ответила на молчаливый вопрос Првленская.

Двери неожиданно распахнулись, и из кабинета, испуганно кланяясь, выскочил сухонький человек с кипой пергаментов в руках. Подбрав полы длинной бордовой мантии, он припустил бегом.

– И на этот раз распорядись об охране, остолоп! – грохнул вслед гневный приказ, но в следующий миг консул Батор заметил замершую в дверях Лаптолину и снизил тон: – Леди Првленская, прошу меня простить. Неудачное утро, плохие новости. Армии Ордена Крона укрепились в окрестностях Норреспонда. Тысяча бойцов, вооружённых лучшим оружием! Мы едва успеваем перебросить туда отряды... Но это меньшая из бед. Главная проблема в том, что продовольственный обоз был разграблен, а голодная армия почти так же бесполезна, как и плохо вооружённая. Мы не были готовы к военным действиям такого масштаба... и такой хитрости. Кто бы ни руководил проклятым Орденom, он неплохой тактик.

Я сглотнула и пошатнулась, хватаясь за рукав Жорхе. Пустая магическая память отдавалась во всем теле слабостью, а проклятый корсет мешал полноценно дышать.

– Увы, наши новости тоже безрадостные, хоть и не такого масштаба, – Лаптолина зашла в кабинет.

Она горделиво прошествовала по бордовому ковру, поприветствовала Верховного консула реверансом, позволила ему поцеловать свою руку и сразу же присела в одно из кресел, на которое ей кивком указал Батор. Аккуратная женская голова на тонкой белой шее склонилась набок, отчего Лаптолина Првленская стала похожа на одну из своих учениц – молодую и исключительно привлекательную.

Я же быстро поклонилась, как могла, и встала за спинкой кресла рядом с Жорхе. Приближаться ко мне Батор не стал, отошёл к резному столу.

– Наслышан, – исподлобья глянул на меня консул. – В мире творится что-то невообразимое, как будто Квертинд сошёл с ума! С тех пор как мы потеряли шанс посадить на трон могущественного правителя, всё летит ко всем приспешникам Толмунда. – Он рухнул в высокое кожаное кресло, отчего двойной подбородок затрясся, но Батора это совсем не смутило. Уставший, с тёмными кругами под глазами и спутанными светлыми волосами, он выглядел тучным стариком. – Вдобавок убийство в Мелироанской академии! В обители благочестия и добродетели! И кем! Мейлори консула Верховного Совета!

– Это такой удар для меня, – начала Лаптолина, промакивая платочком уголки глаз. – Вы знаете, насколько я могу быть сильной. Сильнее многих стяжателей. Но в этот раз потрясение и растерянность столь велики, что я вынуждена искать поддержки у вас. Потому что только вы превосходите меня в стойкости и благоразумии...

– О, моя дорогая, – смягчился консул и выпрямился в кресле. – Вы оказались в затруднительном положении. Консул лин де Блайт обязал вас заботиться о его мейлори и проявлять к ней особое внимание. Вы не виноваты в том, что не вынесли возложенной ноши. Некоторые... особи не поддаются воспитанию в силу безумия и дикости. Зверь есть зверь.

– Я не убивала Тильду Лорендин, – не выдержала я. – Только хотела ей помочь. Кто-то нарочно меня подставил.

– Вы едва не порешили несчастную у меня на глазах! – не на шутку разозлился консул. – А теперь заявляете, что невиновны. Чушь! – рявкнул он. – И что прикажете делать? Выгораживать вас перед законом, подрывая и без того испорченную Орденом Крона репутацию квертиндской власти? Вас видели десятки людей. Весь Мелироан шумит об этом происшествии, а скоро присоединится и остальной удел Батор. К вечеру это дойдёт до Лангсорта. Если я помешаю вашему аресту, меня самого обвинят в укрывательстве. Я уже молчу о совести...

– Мы бы не посмели просить вас мешать следствию, – вмешался Жорхе. – Только дать время для его осуществления.

– У меня нет свободных людей, – не сдавался Батор. – Вы же видели, что творится в консульстве.

– Я сам проведу расследование, – предложил Вилейн. – От вас требуется только дать разрешение на отсрочку заключения Юны... леди Горст.

– Не забывайте, стяжатель, – погрозил пальцем консул. Он открыл небольшой веер с узором из иверийских корон и обмахнулся. – Преступления в округах – вне ведения логи. А в нашем случае всё довольно очевидно. Судейский отдел консульства рассмотрит детали преступления, а леди Горст пусть дожидается результатов в Зандагате. Как делают все подозреваемые. Это снимет лишние вопросы у населения.

– Вы обязаны сообщить моему ментору, – неожиданно вырвалось у меня. Я вспомнила, что таков закон и ментор несёт ответственность перед Квертиндом за свою мейлори. – Да, сообщите, – я запнулась, – Кирмосу лин де Блайту, что отправляете меня в Зандагат.

Это было похоже на отчаяние. Наивная, безнадёжная попытка надавить на свою значимость и прикрыться авторитетом ментора. Но её неожиданно поддержала Лаптолина.

– Боюсь, с нашей стороны будет опрометчиво сообщать ему эту новость, – мягко проговорила женщина, расправляя платье на коленях. – Мы все знаем, как консул лин де Блайт привязан к леди Горст, и такое пренебрежительное отношение к его мейлори не послужит укреплению отношений внутри Верховного Совета.

Она резко вскинула глаза на консула Батора и тут же опустила. На белых щеках Лаптолины проступил очаровательный румянец, словно она устыдилась такого намёка.

– Видите ли, гхм... леди Горст, – уже спокойно и назидательно начал консул Батор, – ваш ментор в данный момент сдерживает натиск отрядов Ордена Крона почти у самой столицы полуострова Змеи. – Он помолчал, давая мне осознать сказанное. – Это страшная, кровопролитная битва, от смерти в которой не застрахован никто. Даже сам Кирмос лин де Блайт.

Кисти рук заledenели, несмотря на жуткую жару. Браслеты из ризолита ощущались как-то особенно тяжело. Я мучительно сглотнула, борясь с извечным спутником опустошённой магической памяти – бессилием. От неприятных ощущений снова едва не рухнула на пол, но устояла. По виску стекла капелька пота.

Удивительно было оказаться противницей Ордена Крона и всей душой желать ему поражения.

– Учитывая, что он поторопился самолично возглавить отряды боевых магов... – Батор не заметил во мне изменений, пожевал губами и задумался вслух: – Из чувства вины перед Квертиндом, возможно... Или из личной мести... Но это не важно, – он кивнул своим выводам. Светлые волосы консула – те, что не прилипли ко лбу, – разлетались от взмахов веера. – Гораздо важнее то, что он может не вернуться. В таком случае в нашей заботе о вас, юная мейлори чёрного паука, не будет никакого смысла. А вот рисков – предостаточно. Вы это понимаете?

Я опустила глаза – веки стали неподъёмными. Просунула пальцы под ошейник и потрогала знак соединения. Это была моя единственная защита от вероятного заключения. Моя возможность доказать свою невиновность. И моя связь с живым ментором... Сердце болезненно сжалось, стоило представить, как черный паук исчезает прямо сейчас, под моей ладонью. Все трое присутствующих будут только рады обвинить меня в убийстве и выдать Квертинду на растерзание. Но даже то, что меня немедленно отправят в Зандагат, будет меньшим из ударов...

– Понимаю, – покорно проблеяла я и принялась про себя считать вдохи.

– Если передо мной встанет выбор между Квертиндом и чем-либо ещё, я однозначно выберу королевство, – со значением поведал консул Батор. – И сейчас, похоже, передо мной стоит именно такой выбор.

– Ах, как жаль, что здоровье не позволяет вам пройти испытание войной! – воскликнула Лаптолина. – Ваша милость, лучшего правителя Квертинд и не желал бы. Каким королём вы могли бы стать!

Я прикусила щёку. Жорхе едва слышно фыркнул, но консул Батор оживился. Откинул веер, поправил золотую брошь-весы и с нежностью воззрился на Првленскую. Трудно было сказать, поверил ли он в её лести или просто снизошёл до актёрства красивой женщины.

– Ох, – тут же смутилась наставница, видимо, тоже не уловив настроения консула. – Простите мне эту вспышку, я... слишком расчувствовалась. – Она вытянулась в кресле, даже немного привстала и всем телом подалась к Батору: – Ваша милость, мы можем поговорить наедине?

– Несомненно! – тут же подхватил мужчина.

Он поднялся и повелительно махнул рукой нам с Жорхе:

– Подите прочь. Вы не должны видеть госпожу Првленскую в момент её уязвимости.

Лаптолина так громко выдохнула облегчение, что это было похоже на стон. От жестокой, расчётливой и циничной хозяйки Мелироанской академии эту чуткую хрупкую женщину

отделяла пропасть размером с Мариисское море. Или весь Безвременный океан. Воистину, в кресле перед консулом сидел господин Демиург в платье. Возможно, не столь же могущественный, как создатель Орден Крона, но точно не менее опасный.

Нам с Жорхе ничего не оставалось, кроме как переглянуться и выйти за дверь.

Я тяжело вздохнула и сорвала с головы шляпку.

Тролле дерьмо!

Очевидно, что Батор не верил мне ни на каплю и любые попытки убедить его в невинности терпели крах. Оставалось надеяться на Лаптолину, ведь даже стязатель Вилейн не имел авторитета в глазах консула Верховного Совета.

Жорхе же, казалось, не беспокоился произошедшим, а даже приободрился, словно только и ждал удобного случая покинуть кабинет.

– Идём, – он слегка подтолкнул меня в пустой коридор, ведущий куда-то вглубь здания. – У нас здесь есть ещё кое-какие дела.

Дела? В консульстве? У нас? Мне не нравилось то, что я совершенно не понимала происходящего и не контролировала ситуацию. С самого начала в Баторе я только и делала, что покорялась обстоятельствам. И сейчас тоже покорно зашагала вслед за стязателем, рассматривая широкую спину в чёрном запылившемся плаще. Что он задумал?

– Стязатель Вилейн, – обратилась я, изрядно удивив моего тюремщика. Он остановился и оглянулся, а я начала издали: – Целый год вы не отходили от меня ни на шаг, а в Мелироанской академии так и вовсе сторожите у дверей комнаты. – Я покрутила в руках шляпку, не зная, куда бы пристроить этот странный предмет одежды. – Но вчера, когда кто-то прикончил Тильду, вас не было рядом. Почему?

Весьма резонный вопрос. Может, Вилейн имеет какое-то отношение к преступлению? Ведь даже если Лаптолина сумеет убедить Батора, я получу только отсрочку, но никак не освобождение от ответственности. Настоящий виновник всё ещё на свободе. И мне предстоит его найти.

– Ночью я был в Астраице, – ответил Вилейн. – В фамильном замке Блайтов. Пришлось отлучиться и оставить тебя в одиночестве.

Он снова двинулся в путь, а я – за ним. Шляпку пришлось перекинуть за спину, наподобие капюшона, и завязать ленты у горла. Я бы её выбросила, но тонкое кружево и аккуратный нежно-голубой бант наводили на мысль о высокой стоимости головного убора. Да и, честно признаться, она мне нравилась.

Как и туфли из мягкой кожи, что почти не стучали каблуками по полированному паркету. По сравнению с Мелироанской академией, помещение консульства поражало сдержанностью: светлые стены могли похвастаться редкими гравюрами, изображающими сбор урожая, распятие вина или праздник Династии. Цветовое разнообразие нарушалось только бордовыми стягами Квертинда с Иверийской короной. Скупое, строго, официально.

Я почти не видела окружения, пораженная неожиданным открытием: стязатель Вилейн соврал! От Батора до Астраицы не менее четырёх дней пути на дилижансе. Если ехать верхом, возможно, быстрее, но за ночь он никак не мог преодолеть такое расстояние.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.